МАРТА ВЕСЕНИНА

РАЗВОД С ДРАКОНОМ.

ВЕРНУТЬ СВОЁ

Марта Весенина

Развод с драконом. Вернуть своё

«Автор»
2026

Весенина М.

Развод с драконом. Вернуть своё / М. Весенина — «Автор», 2026

Четырнадцать лет я верила, что помогаю мужу-дракону создавать великие магические устройства. А потом выяснила: он тайно забирал мою силу и выдавал мои разработки за свои.Я потребовала развода. Но брачный договор всё ещё действует, а до его обновления меньше месяца. Чтобы вернуть магию и право работать под собственным именем, мне нужны доказательства, деньги и союзники.Северин — опальный специалист по магическим договорам — готов помочь. Только у него своя причина добиваться правды, и однажды наши цели перестанут совпадать. А между нами уже возникает чувство, к которому я совсем не готова.Я слишком долго была удобной женой. Теперь хочу вернуть своё — и сама решить, кого любить.

© Весенина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой огонь 5
Глава 2. Дверь снаружи 12
Глава 3. Маг без печати 18
Глава 4. То, что было подписано 25
Глава 5. Сила, которой надо учиться 32
Глава 6. Первая подпись 38
Глава 7. Опись прежней жизни 44
Глава 8. Несколько лишних тактов 52
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Марта Весенина
Развод с драконом. Вернуть своё

Глава 1. Чужой огонь

Я погасила пробное пламя, а серебряная жилка в кольце продолжала светиться.

Прикрыла её ладонью, чтобы не мешало солнце. Под пальцами оставалась ровная белая полоска.

Странно.

За открытым окном кричала чайка. Ветер с гавани перевернул угол чертежа, и я прижала его локтем: другая рука держала короткий пробник из набора семейного измерителя, а кольцо лежало в зажиме без наружной крышки. Два крошечных винта я предусмотрительно спрятала в чашку. Арден уже дважды находил детали в своей посуде и всякий раз удивлялся, как они там оказались.

Обычно я тоже удивлялась. Собирать со стола его винты мне приходилось гораздо чаще.

Я отвела пробник. Подождала, считая удары часов в коридоре, и снова коснулась контакта. Белая полоска не стала тусклее.

Работы мне оставили на час. Снять посадку со старого кольца, подогнать переходную втулку к новой оправе, проверить малым огнём. До обновления клятвы было ещё почти четыре недели, но ювелир просил вернуть оправу к вечеру: после проверки он собирался закрепить камень.

Утром Арден положил передо мной бархатный футляр.

— Посмотри, что прислали.

Я открыла крышку. На тёмном бархате лежал синий камень, ещё без крепления. Если повернуть его к свету, в глубине появлялась тонкая золотая нить.

— Красивый, — сказала я.

— Под цвет твоих глаз.

Мои глаза были серыми. Он это знал. Камень мне всё равно понравился.

Арден наклонился, поцеловал меня возле виска и перевернул футляр, показывая новую оправу. Запах его дорожного мыла смешался с морским воздухом. На мгновение захотелось прислониться к нему и попросить остаться дома до обеда.

— Ирт будет заниматься самим узлом, — сказал он. — Тебе только наружное соединение. Здесь нужен твой глаз.

Это я умела. За годы я подгоняла для него вещи куда сложнее маленькой втулки. Иногда полночи уходило на соединение, которое должно было сесть без единого перекоса, а утром Арден проводил ладонью над готовым устройством и довольно говорил: «Вот теперь можно показывать».

Старое кольцо я сняла без труда. Оно почти никогда не мешало мне работать. С наружной стороны — гладкое золото с двумя узкими крыльями; с внутренней — серебряная полоса связи. Под крышкой скрывалась небольшая площадка с контактами. До этого её открывал Ирт, когда проверял соединения.

Сам брачный узел оставался в высоком шкафу у дальней стены. Дверцу покрывала бронзовая сетка, за которой мягко горел янтарный свет. Туда мне лезть не требовалось.

Арден ушёл на встречу с людьми из гавани. Я приготовила малую нагрузку — огонёк над стеклянным блюдцем — и выполнила работу по его шаблону. Новая втулка села хорошо. Семейный измеритель показал привычную слабую черту, едва выше первой отметки.

Затем я погасила огонь.

А серебро продолжило светиться.

Я подтянула к себе шаблон. Три наружных контакта, посадочный круг, две метки для проверки. По рисунку — обычное аварийное соединение. После снятия нагрузки оно должно было погаснуть; я подгоняла такие на защитных приборах и знала, сколько времени уходит на остаточный заряд.

Ждать я уже пробовала.

Возможно, новая втулка прижимала край контакта. Досадно, но поправимо. Я разобрала соединение и вернула старую посадку, старательно совмещая крохотные метки. Пальцы с утра плохо слушались; приходилось придерживать инструмент обеими руками.

Снова подняла огонёк. Снова погасила.

Полоска осталась белой.

Тогда я открыла окно шире. Не ради света — в рабочей комнате вдруг стало душно, хотя сквозняк уже шевелил манжету. На столе Ардена, в трёх шагах от меня, стояла малая модель регулятора: два бронзовых створа удерживали между собой вертикальный лист воды. Он испытывал её с прошлого вечера. Вода послушно колебалась в воздухе, не проливая ни капли на подставку.

Аварии не было. Ничего не горело, не рушилось, не требовало срочной помощи. Арден находился в городском доме собраний, куда отправился после завтрака совершенно здоровым.

Я посмотрела на полоску ещё раз.

Мы заключали договор о взаимной поддержке. Если один из нас попадёт под опасную перегрузку, другой сможет ненадолго отдать часть силы. Я помнила это хорошо. Перед свадьбой даже спросила, не обожжёт ли меня драконий дар.

Арден тогда рассмеялся, взял мои руки в свои и сказал, что всё рассчитано именно для моей защиты.

Мне был двадцать один год. Я представляла его под обломками обрушившейся защиты и боялась, что моей помощи не хватит.

Теперь я сидела перед спокойно работающим кольцом и пыталась придумать причину, по которой оно не переставало тянуть силу.

Может быть, я неверно понимаю показание.

Я выдвинула ящик с измерительными иглами. Семейный прибор был удобным: кольцо помещалось в паз, крышка закрывалась, на стекле выступала одна черта. За результатом не надо было следить, придерживая дрожащий щуп. Арден всегда велел пользоваться именно им.

Но сегодня паз был открыт. Я видела, к какому контакту подходит серебряный язычок прибора.

К готовому выходу.

Я провела ногтем по краю шаблона. На других устройствах я сначала проверяла, что поступает в соединение, и только потом — что получается после него. Иначе можно было целый день править хорошую деталь, когда ошибка находилась перед ней.

Почему здесь я никогда так не делала?

Ответ был прост: прежде наружную крышку снимал Ирт.

Я достала собственный щуп, тонкий, с ручкой из потемневшей кости. На ней была зарубка — память о дне, когда прибор скатился со стола на каменный пол. Арден предлагал выбросить его. Я починила иглу, проверила её на мерном накопителе и продолжала пользоваться. Она была точнее нового прибора, который он купил взамен.

Уперев локти в стол, я коснулась входного контакта.

Свет на шкале поднялся.

Я убрала щуп так быстро, что едва не задела чашку с винтами.

Должно быть, перепутала точку.

Сверилась с метками. Вернула кольцо в паз семейного измерителя: первая отметка, как всегда. Вытащила. Снова коснулась входа своей иглой.

Свет поднялся гораздо выше.

Я проверила сам щуп на маленьком накопителе для настольной лампы. Нормальное показание. Никакого лишнего заряда, никакой сбившейся шкалы.

В комнате тикали часы. За стеной кто-то передвигал стул. Жизнь в доме шла своим обычным чередом, а я всё никак не могла положить прибор на стол.

Столько силы.

Во мне.

Нет, пока я знала только, сколько её приходит к соединению. Следовало проверить, куда она уходит.

Я поднесла руку к блюдцу и зажгла огонёк. Маленький, неровный. Такой у меня получался всегда, если требовалось держать его дольше нескольких ударов сердца.

Возле сервисного контакта оставался короткий ход для пробы. Его хватало лишь слегка уменьшить проход: проверить посадку, отпустить, дождаться прежнего режима. Я знала этот приём по другим соединениям. Открывать внутренние ветви для него не требовалось.

Я осторожно сдвинула ограничитель.

Огонь выпрямился.

Он не взметнулся до потолка, не стал ослепительным. Просто перестал дрожать. Над блюдцем стоял ровный высокий лепесток, и я поддерживала его без привычного напряжения в запястье.

Со стола Ардена донёсся тихий плеск.

Водяной лист между бронзовыми створами провис. Одна капля упала на подставку.

Я отпустила ограничитель.

Огонёк над моим блюдцем съёжился. Створы на соседнем столе снова удержали воду.

Капля медленно ползла по бронзе.

Я смотрела на неё, пока она не добралась до края подставки. Потом протянула руку и коснулась мокрого следа.

Вода была настоящей.

Я вернулась к кольцу, проверила, что метка стоит в исходном положении, и погасила огонь. Серебряная жилка по-прежнему светилась.

Теперь мне хотелось вырвать её из золота.

Я убрала от кольца руки.

От того, что я поняла направление потока, устройство внутри шкафа не стало мне известно. Я видела всего несколько наружных контактов. Если через них непрерывно шло столько силы, разрывать соединение наугад было бы безумием.

В ящике под локтем лежала моя рабочая тетрадь в синей обложке. Я раскрыла её на первом пустом развороте и нарисовала кольцо. Рука оставила на бумаге влажное пятно — я так и не вытерла палец после капли.

Выход. Вход. Два показания. Старая посадка. Новая.

Затем я описала пробу. Без слова «украл». Без слова «ложь». Только то, что произошло.

Перо скребло бумагу слишком громко.

Последней я поставила дату.

Затем перевернула лист с рисунком. Арден оставил мне не только наружный шаблон, но и приложенный к нему сервисный перечень: обозначения деталей, размеры посадки, допуски. Я переписала его на оборот рисунка, сохранив буквы исполнений и служебные ссылки, хотя для подгонки втулки смотрела главным образом на размеры. На копии повторила дату и приписала: «С наружного перечня, оставленного Арденом утром для подгонки оправы». Сам лист остался на его столе. Внутреннего сборочного листа среди доступных бумаг не было.

Когда в коридоре послышались шаги, я всё ещё сидела перед раскрытой тетрадью. С улицы успели убрать тележку точильщика. На месте солнечного прямоугольника под окном лежала узкая полоса света.

Я выпрямилась. Спина затекла, в висках ныло.

Арден вошёл, снимая перчатки. На рукаве белел след морских брызг — должно быть, после собрания ходили к причалам.

— Ты ещё здесь? Я думал, давно закончила.

Он бросил перчатки возле модели, провёл пальцем по бронзовому створу. Вода выгнулась к его руке. Так легко, словно он поправил край скатерти.

— Возник вопрос, — сказала я.

— С посадкой?

— С потоком.

Он наконец посмотрел на стол. На старое кольцо в зажиме, на щуп, на мою тетрадь.

— Ты сняла не ту проверку.

Это прозвучало так быстро, что я не сразу нашла ответ.

— Как ты понял?

— По инструменту. Я же оставил измеритель.

— Он показывает выход. Я проверила вход.

— Там другие значения.

— Я вижу.

Арден вздохнул и придвинул к себе свободный стул. Обычно он так садился рядом, когда хотел объяснить сложный узел. Я освобождала место, слушала, иногда замечала ошибку в его выкладках. Тогда он хмурился, а после говорил, что именно поэтому и любит со мной работать.

Сейчас я оставила тетрадь перед собой.

— Ты могла сместить контакт, — сказал он. — Здесь недостаточно приложить обычную иглу и сравнить две черты.

— Я вернула старую посадку. Проверила иглу на накопителе. Получила то же самое.

— Я позову Ирта.

— После снятия нагрузки поток не прекращается.

— В соединении остаётся заряд.

— Я ждала.

Он поднял на меня глаза.

Я вспомнила, как утром он целовал меня возле виска. Не другой человек, не подменённое существо — тот же мужчина, с которым я завтракала. На его подбородке оставалась крошечная царапина от бритвы. Мне хотелось коснуться её большим пальцем, как я делала сотни раз.

От этого желания стало страшнее, чем от показаний.

— Я немного уменьшила проход, — сказала я. — В пределах сервисного хода. Мой огонь стал сильнее. В твоей модели просела вода.

Арден замер.

Всего на мгновение. Потом его ладонь легла поверх моей тетради.

— Ты трогала ограничитель?

— Вернула как было. Метку проверила.

— Ты хоть понимаешь, чем могла рисковать?

— Поэтому я и остановилась. Что дальше устроено в шкафу, я не знаю.

Он прикрыл глаза. Когда открыл, голос у него стал ровным, почти усталым.

— Элина, это не вещь, которую можно разобрать из любопытства. Соединение подстраивалось годами. Под нас обоих.

— Почему оно берёт мою силу, когда помощь тебе не нужна?

— Ты не можешь определить, что нужно моему контуру, по одной настольной игрушке.

— Тогда объясни.

Он убрал руку с тетради, но остался сидеть вплотную к столу.

— На мне держится работа дома. Защиты, испытания, заказы. Расход не возникает только в тот миг, когда я поднимаю руку. Постоянный фон выравнивает нагрузку.

Я медленно провела пальцем по краю страницы.

— Мы договаривались о помощи при перегрузке. В обе стороны.

— Я знаю, о чём мы договаривались.

— Там была десятая доля.

— При аварийном включении. Ты смешиваешь разные режимы.

— О другом режиме я не знала.

— Ты знала, что мы связаны.

В коридоре звякнул поднос. Кто-то тихо постучал, но Арден, не повернув головы, сказал, что сейчас не нужно. Шаги удалились.

— Я устаю, Арден.

— Я вижу. Поэтому тебе давно следовало отдохнуть.

— Иногда я не могу удержать огонь, чтобы нагреть воду в чашке. А здесь, до отвода, сила есть.

Он откинулся на спинку.

— Не делай выводов, которых не можешь подтвердить.

— Хорошо. Давай подтвердим. Пригласим независимого эксперта.

— Я уже сказал: посмотрит Ирт.

— Он собирал это соединение.

— Именно. Он знает его лучше любого постороннего.

— Мне нужен посторонний.

Арден встал. Стул негромко стукнул о край стола. Он прошёл к окну и опустил раму; ветер больше не переворачивал чертежи. В комнате сразу стало слышно, как вода в модели касается бронзы.

— Ты хочешь вынести наш брачный договор на чужой стол из-за одного неумелого измерения?

Я могла спорить со словом «неумелого». Принести другие иглы. Позвать кого-нибудь из мастерской, заново показать пробу, дождаться одобрительного кивка. Я слишком хорошо представляла, как пройдёт этот вечер: к ночи мы перестанем говорить о потоке и будем обсуждать мою вспыльчивость.

— Да, — сказала я. — Хочу проверить договор.

Он повернулся.

— До обновления меньше месяца. У тебя есть время успокоиться.

— Я не стану его обновлять.

Арден посмотрел на раскрытый бархатный футляр. Синий камень темнел в углублении, золотой нити больше не было видно.

— Даже не начинай.

— Я не подпишу новые условия, пока не узнаю, что происходило со старыми.

— Условия те же.

— Тогда тем более.

Он коротко рассмеялся, без веселья.

— Ты полагаешь, я четырнадцать лет только и делал, что искал способ причинить тебе вред?

Нет. Я ничего такого не полагала. Я знала, что порой была с ним счастлива. Знала его привычку оставлять мне последнюю сладкую сливу, его нелепый страх перед зубным лекарем,

то, как он прикрывал меня крылом от ветра, когда мы поднимались на скалы. Всё это было. И вот эта белая жилка, которая не гасла, тоже была.

— Я спрашиваю про силу, — сказала я. — Не про всё, что между нами случилось.

— Между нами не было раздельной жизни. Ты жила в этом доме. Пользовалась всем, что я зарабатывал. Работала со мной, когда хотела, и оставалась в постели, когда уставала. Разумеется, у нас общий расход.

Я прикрыла тетрадь.

Четырнадцать лет я слышала «у нас», когда речь шла о том, что требовалось от меня. На приёмах люди благодарили мастера Вейра. Контракты приносили мастеру Вейру. Моё место рядом с ним казалось таким надёжным, что я почти не замечала, как мало у этого места собственных оснований.

— Общий расход должен быть известен обоим.

— Если бы я объяснял тебе каждую регулировку, мы бы ничем другим не занимались.

Он протянул руку к кольцу.

Я сняла его с зажима первой.

Мы оба остановились.

Не было ни рывка, ни попытки вырвать его у меня. Арден просто смотрел на мои сжатые пальцы, и я вдруг поняла, что ещё несколько минут назад сама отдала бы ему всё: кольцо, щуп, тетрадь. Чтобы он разобрался и вернул мне прежний день.

— Оставь, — сказал он. — Я передам Ирту.

— Для независимого осмотра оно мне понадобится.

— Ты не понесёшь семейную вещь незнакомому человеку.

— Понесу.

Его лицо изменилось. Стало неподвижным, как на неудачных переговорах, о которых он потом рассказывал за ужином.

— Подумай, прежде чем делать то, чего не сможешь исправить.

Я подумала.

О комнате наверху, где лежало моё платье к завтрашнему обеду. О чайном столике у окна. О том, что я не знала, сколько стоит снять жильё в Лиаре на месяц. О собственных руках, которым становилось легче, когда слабел его прибор.

Я бы простила неисправность. Испуг, неловкое объяснение, даже попытку сперва соврать и потом признаться. Но он уже знал, что я увидела, и по-прежнему решал за меня, кому я имею право это показать.

— Я хочу развестись.

Последнее слово вышло тише остальных. Пришлось повторить:

— Арден, я требую развода.

Он медленно опустил руку.

— Из-за этого?

— Да.

Объяснять заново у меня не было сил.

Он отошёл от стола, уступая мне дорогу, хотя я ещё не вставала.

— Сегодня ты никуда не идёшь. Завтра поговорим с ясной головой.

Я высыпала винты из чашки на ладонь. Один покатился к краю; я поймала его мизинцем и вдруг чуть не заплакала от этой маленькой удачи. Прикрутила наружную крышку. Пальцы дрожали, но резьбу я не сорвала.

— Сегодня я соберу вещи.

Арден молча смотрел, как я убираю щуп. Потом взял со стола свою связку ключей.

— Рабочие материалы останутся здесь.

— Эта тетрадь моя.

— В ней записи по моим заказам.

Я открыла первую страницу. На ней стояло моё имя, выведенное ещё ровным, старательным почерком. Ниже была зарисована застёжка, которую я чинила себе прошлой зимой.

— И по моим тоже.

Я не стала тянуться за другими тетрадями на полке. Их было семь; в самой толстой лежали засушенные листья, которыми я когда-то отмечала важные расчёты. Взять сейчас всё означало начать спор, в котором я могла потерять и эту.

Арден повернул ключ в дверце шкафа с архивом.

Звук оказался совсем обыкновенным.

Я надела старое кольцо. Оно было прохладным, и это тоже ничего не меняло: пока золото лежало в зажиме, связь продолжала работать. Снять его и оставить рядом с новым камнем было бы красиво. Польза от этого была сомнительной.

У двери я всё-таки оглянулась.

Арден стоял у своего стола. Между бронзовыми створами ровно держалась вода. На моей половине остался открытый футляр, чашка без винтов и белый круг света на стеклянном блюдце.

Я взяла тетрадь под мышку и пошла наверх за дорожной сумкой.

Глава 2. Дверь снаружи

Сумка нашлась под зимними одеялами. В последний раз я брала её на три дня к морю и всю дорогу жаловалась, что она мала.

Теперь я не знала, на сколько дней собираться.

Я положила на кровать два платья, бельё, чулки, гребень. Рядом — синюю тетрадь и щуп в чехле. Потом достала из шкатулки личную запись, свидетельство о браке и ученическую грамоту с потускневшей сургучной каплей. Свидетельство оказалось самым нарядным: широкие поля, золотой край, наши имена, вписанные рукой регистратора. В двадцать один год я несколько раз доставала его просто посмотреть.

Самих условий договора здесь не было. Они хранились внизу, в архивном шкафу.

Я не спустилась за ними.

Одиннадцать серебряных и горсть меди из маленького кошелька переложила во внутренний карман. Сначала хотела взять ещё дорожные часы, подарок Ардена, но оставила их на полке. Я не знала, что разрешается выносить из собственного дома, когда уходишь от мужа. От этой мысли меня передёрнуло сильнее, чем от слова «развод».

Платья занимали почти всё место. Пришлось выбрать одно.

Тёмно-зелёное можно было надеть и к поверенному, и на работу. Светлое хотелось взять потому, что я в нём себе нравилась.

Я вытащила запасные туфли и уложила оба.

На туалетном столике стоял кувшин. Я налила воды, сделала несколько глотков и заметила в зеркале женщину, которую вполне могли бы принять за меня в обычный неудачный день. Волосы выбились из причёски, у рта обозначилась резкая складка. Тридцать пять лет, почти четырнадцать из них — жена Ардена Вейра. Никакого нового лица зеркало мне не предложило.

Я пригладила волосы мокрой ладонью.

Внизу часы пробили шесть. До закрытия расчётной кассы у Нижнего моста оставался час. Гавань жила поздно; хотя бы это было мне на руку.

Арден ждал в холле.

Он переоделся к ужину, и знакомая домашняя куртка вдруг сделала происходящее почти нелепым. Я стояла на лестнице с дорожной сумкой, а в столовой наверняка уже раскладывали салфетки.

— Куда ты?

— В город.

— Я вижу. К кому?

Руте я ещё ничего не сказала. Она могла уехать, заполнить все комнаты, не захотеть впутываться. Давать Ардену адрес до того, как у меня появился ночлег, я не собиралась.

— Когда устроюсь, сообщу, куда передавать письма.

Он сунул руки в карманы.

— Завтра у нас обед с заказчиками. Мне сказать, что ты нездорова?

Обычный вопрос. Почти заботливый. Я сама произносила эту фразу, когда после очередного испытания не могла спуститься к гостям.

— Скажи, что я не приду.

— Элина…

Я уже взялась за дверную ручку.

— Не сейчас.

Он не преградил дорогу. Когда я сошла с крыльца, дверь за спиной закрылась с мягким стуком, который слышала каждый день. Я обернулась: бронзовый дракон на створке держал в

зубах кольцо молотка, как всегда. Дом не выглядел покинутым. В освещённом окне второго этажа виднелся край моей занавески.

Я поправила ремень сумки и пошла к мосту.

Верхние улицы Лиара спускались к гавани уступами. Между домами синело море, ближе к воде пахло смолой, мокрой верёвкой и жареной рыбой. Мне редко приходилось замечать все три запаха сразу: обычно от дома до нужной двери меня довозили.

На второй лестнице пришлось остановиться.

Я присела на край каменной тумбы и поставила сумку между колен. Первая вспышка злости уже прошла; ноги налились тяжестью. Несколько часов назад я видела, как мой огонь распрямился над блюдцем. Теперь от этого воспоминания хотелось не торжествовать, а сесть ещё на пять минут.

Женщина с корзиной оглянулась.

— Вам дурно?

— Просто сумка тяжёлая.

Она кивнула и пошла дальше. Я впервые за день обрадовалась, что мне поверили.

В кассе ещё горели лампы. За латунной решёткой сидел пожилой служащий, которого я знала в лицо. Он улыбнулся, взял мою личную запись и нашёл нужную страницу.

— Со счёта дома Вейр? Как обычно?

— Да. Двадцать серебряных.

Я не собиралась снимать всё, что было доступно. Мне требовалось прожить несколько дней и узнать, что делать дальше.

Служащий провёл пальцем по строке, перестал улыбаться и проверил маленький листок, подколотый к краю.

— Расход по вашему поручению приостановлен, госпожа Вейр.

— Когда?

— Сегодня. Распоряжение доставили после полудня.

После разговора в рабочей комнате. Пока я выбирала платья, Арден успел отправить посыльного.

— Совсем?

Служащий чуть понизил голос:

— До нового распоряжения владельца счёта.

За моей спиной вошёл мужчина. Я услышала звон монет, кашель, нетерпеливый скрип сапога по камню.

Мне захотелось сказать, что произошла ошибка. Что муж лишь перепутал полномочия, что завтра всё уладится, что это точно не та история, о которой можно подумать, глядя на женщину с дорожной сумкой.

— Дайте мне, пожалуйста, письменное основание отказа, — сказала я.

Служащий помедлил, затем вырвал из книжки узкий бланк. Пока он писал, я следила за движением пера. Удерживать лицо неподвижным оказалось легче, если думать о том, как он неправильно ставит нажим.

Он вернул документы вместе с бланком.

— Мне жаль.

Я кивнула. Он не мог выдать мне деньги, но хотя бы не предложил поговорить с мужем.

До пансиона оставалось три улицы. Я потратила медяк на перевоз через канал: лодочник высадил меня у рыбных рядов и поднял сумку на причал, пока я выбиралась на скользкие доски.

Рутин дом я узнала по синей вывеске с нарисованной чайкой. При нашей последней встрече Рута жаловалась, что птица похожа на мокрую курицу. С тех пор вывеску перекрасили. Чайка стала ярче, но сходство сохранилось.

Я остановилась перед дверью, чувствуя глупое желание уйти.

В гости следовало приходить налегке. С пирогом, с новостями, с обещанием не задерживаться. Мне нечего было предложить, кроме сумки и неприятного разговора.

Изнутри донёсся голос:

— Если мокрые сапоги опять окажутся на печи, сушиться с ними будете вы сами!

Я постучала.

Рута открыла не сразу. На ней был засученный до локтей синий передник, в руке — столовая ложка. Она посмотрела на моё лицо, потом на сумку.

— Элина?

— Добрый вечер. У тебя найдётся комната?

За её спиной кто-то громко потребовал ещё хлеба.

— У хлеба, между прочим, есть корзина, — отозвалась Рута, не оборачиваясь. — А у вас руки. Входи.

Она провела меня через тесную общую залу. За длинным столом ужинали четверо мужчин и девушка в куртке портового писца. Один из мужчин уже снимал с печи сапоги.

На кухне пахло луком и горячим тестом. Рута поставила передо мной миску, налила суп.

— Сначала ешь. Потом скажешь, на сколько дней.

— Я не знаю.

Ложка в её руке остановилась над кастрюлей.

— Что случилось?

Я произнесла начало привычного ответа:

— Мы с Арденом немного…

И умолкла.

Рута ждала. Не торопила, не подсказывала нужного слова. Снаружи хлопнула дверь, кто-то рассмеялся, а я смотрела на ломтик моркови в супе и понимала, что если сейчас назову это небольшой ссорой, то завтра придётся поддерживать эту версию.

— Я ушла от него, — сказала я. — И хочу подать на развод.

Рута села напротив.

— Он тебя ударил?

— Нет. Через наш договор уходит моя сила. Постоянно. Я сегодня проверила, а он отказался позвать независимого мастера. Сказал, что всё и так общее.

Объяснение получилось коротким, почти бедным. В него не помещались ни утренний поцелуй, ни мокрый след на бронзе, ни семь тетрадей за запертой дверцей.

— Сейчас связь работает? — спросила Рута.

— Да.

— Тогда тебе нужен человек, который понимает в таких вещах.

— И поверенный. Я не знаю, как подают заявление.

Она кивнула, словно речь шла о серьёзной поломке в доме: сперва не дать воде залить комнаты, потом искать, где прорвало.

— Утром сходишь к Адель Кест. Она помогала мне, когда прежний хозяин решил продать пансион вместе с моими постояльцами.

— Она берётся за семейные дела?

— За имущество берётся. Остальное скажет сама. Что с деньгами?

Я показала кассовый бланк.

Рута прочитала, сжала губы, но бранить Ардена не стала.

— Маленькая комната наверху свободна. Два серебряных в день, с завтраком. Три ночи могу записать в долг. На четвёртое утро договоримся заново — у меня приходят поставщики, обещать больше сейчас не могу.

В другой день я бы обиделась на деловой тон. Или решила, что следует отказаться, чтобы не стеснять её. Сейчас названная цена успокоила меня больше, чем любое «оставайся сколько хочешь».

— Подойдёт.

— Окно выходит на двор. Там с утра спорят грузчики, зато не дует с воды.

— Я умею спать под споры.

Она впервые улыбнулась.

— Посмотрим. Наши обучены специально.

После супа я сумела подняться по лестнице без остановки. Рута отперла последнюю дверь и положила ключ на стол.

Кровать, умывальник, два крючка, стул с потёртой сидушкой. В углу стены темнел след от когда-то протекавшей крыши. Комната была меньше нашей гардеробной.

— Замок тугой, — сказала Рута. — Надо чуть приподнять ручку.

Она показала, дождалась, пока я повторю, и ушла проверять постояльцев.

Я заперлась.

Потом проверила замок ещё раз.

За стеной кто-то говорил во сне. Внизу переставляли стулья. Я повесила платья на оба крючка, а сумку засунула под кровать. Документы и тетрадь положила рядом с подушкой.

Спать не хотелось. Хотелось оказаться дома за полчаса до того, как я сняла крышку с кольца, и ещё раз прожить утро, в котором ничего не знала.

Я села на кровать, сняла туфли и наконец заплакала.

Тихо не получилось. Пришлось уткнуться в сложенное полотенце, чтобы за стеной не услышали. Мне было жалко себя, прежнюю жизнь и даже завтрашний обед, который пройдёт без меня. Я знала, где Арден посадит главного заказчика. Знала, какое вино подадут. Я сама составляла меню.

Потом я достала тетрадь.

На рисунке кольца расплылось пятно от мокрого пальца. Я прикоснулась к нему и вспомнила ровное пламя. Не обещанное кем-то, не приснившееся. Я держала его своей рукой.

Тетрадь осталась открытой, пока я не уснула.

***

Утром грузчики разбудили меня спором о бочке сельди.

Один утверждал, что бочка была дырявой до погрузки, другой — что её уронили. Третий требовал прекратить философию и принести ведро.

Мне понравился третий.

Рута оставила на кухне хлеб, яйцо и записку с адресом. Под адресом было приписано: «Не соглашайся сразу на всё из вежливости». Я сложила записку и сунула в карман, хотя дорогу к площади Семи фонарей знала.

Кест принимала над лавкой переплётчика. На двери висела простая медная табличка. В приёмной сидели двое: мужчина с перевязанной рукой и женщина с пачкой долговых расписок. Их вид неожиданно ободрил. Здесь тоже приходили люди, у которых что-то пошло не так.

Когда дошла моя очередь, я заранее достала серебряную монету.

Адель Кест оказалась сухощавой женщиной с коротко подстриженными седеющими волосами. Она носила очки на длинной цепочке; одно стекло было чуть темнее другого.

— Первичный разговор стоит серебряный, — сказала она, усаживая меня. — Если решите поручить дело, отдельно обсудим объём. Рута предупредила о вас утренним посыльным, но я предпочитаю услышать всё от клиента.

Я положила монету на край стола.

На этот раз я начала с развода.

Адель слушала, делая короткие пометки. Лишь однажды попросила остановиться: когда я сказала, что Арден наверняка не даст разрешения.

— Для вашего заявления его разрешение не требуется.

— А если я не докажу, что он забирал силу?

— Тогда будет сложнее получить то, что зависит от доказанного нарушения. Но разводиться вы можете и без него.

Я замолчала.

Слова были простыми. Я наверняка слышала нечто подобное раньше, в чужих историях. Почему-то к собственному браку они казались неприменимыми.

— Мне нужно сохранить дар, — сказала я. — И забрать записи. Там моя работа за много лет.

— С этим разберёмся отдельно. Что у вас сейчас?

Я выложила документы, бланк из кассы и синюю тетрадь.

Адель посмотрела свидетельство, затем отказ в выдаче денег. Схему в тетради она изучала недолго.

— Я не могу сказать, что это доказывает с точки зрения магии. Кто-нибудь ещё видел опыт?

— Нет.

— Исходные условия у вас есть?

— Остались дома. В запертом шкафу.

— Запросим реестровую копию. А к вашему кольцу нужен действующий эксперт. До осмотра больше ничего не перестраивайте.

Я кивнула. Эту часть мне не требовалось объяснять дважды.

— Заявление о расторжении подаём сегодня? — спросила она.

Передо мной лежала чистая бумага, и решение всё ещё могло остаться красивой фразой, произнесённой в рабочей комнате.

— Сегодня.

Адель придвинула бланк.

В графе «место проживания» я указала пансион у гавани. Потом дошла до имени и на миг задержала перо. Вейр. Фамилия мужа никуда не делась после ночи в другой кровати.

Я вписала её полностью.

Остальное оказалось прозаичнее, чем я ожидала: дата брака, место регистрации, просьба назначить рассмотрение. Адель не позволила мне превращать первую страницу в обвинительную речь. Подозрение на несогласованный отбор и необходимость срочного осмотра она вынесла в отдельное обращение. Я перечитала оба листа и поправила одно слово: вместо «предполагает» возле моего опыта написала «наблюдала».

— Вот так точнее, — сказала Кест.

За подготовку первичных обращений она согласилась подождать плату неделю; сумму и предел поручения записала на отдельном листе. Дальнейшее представительство предстояло обсудить после получения документов. Одного серебряного на регистрационный сбор хватало. Я достала его сразу.

У меня оставалось девять серебряных и немного меди. По сравнению со вчерашним утром это было почти ничто. По сравнению с тем, что я представляла ночью, — уже понятная сумма.

Мы дошли до Палаты вместе: Адель собиралась туда по другому делу. В длинном нижнем зале пахло нагретым сургучом. Регистратор проверил мои документы, принял листы и поставил на моём экземпляре номер и дату.

Штамп глухо стукнул по столу.

Я смотрела на оттиск, пока чернила подсыхали.

Заявление было подано. Муж ещё мог спорить, сердиться, присылать объяснения. Но теперь для остановки этого листа недостаточно было сказать мне, что я устала.

На ступенях Адель достала из сумки маленькую карточку.

— Есть человек, которому стоит показать вашу зарисовку до осмотра. Северин Роан. Он консультирует по связям такого рода.

Я взяла карточку. Имя оказалось незнакомым.

— Почему не обратиться сразу к эксперту?

— Обратимся. Но Роан умеет задавать вопросы, которые помогают эксперту не тратить первый день на чужую красивую оболочку. Учтите: самостоятельного допуска у него сейчас нет. Он обязан сказать вам это сам. Ничего не подписывайте, если условия покажутся непонятными.

На обороте были адрес у Старого спуска и часы приёма — после полудня.

— Вы ему доверяете?

Адель поправила очки.

— В своей области он хорош. В том, как распорядиться полученным результатом, бывает менее разумен.

Она простилась и вернулась в Палату.

Я осталась на ступенях с двумя листами и карточкой. Снизу тянуло морем. Лиар жил обычным днём: торговец ругался из-за сломанного колеса, девушка везла на тележке цветы, у фонтана дрались голуби.

До приёма оставалось время поесть.

Впервые с вечера я заметила, что голодна.

Глава 3. Маг без печати

В лавке на Старом спуске продавали морские карты, сухой провиант на вес и разные портовые мелочи. За стеклом покачивалась нарисованная волна: дешёвое заклятие то поднимало её к самому краю рамки, то возвращало на место. Слева от витрины была узкая дверь, а рядом — листок под стеклянной крышкой.

«С. Роан. Разбор схем. Расчёт потоков. Консультации».

Места для перечня почётных званий оставалось сколько угодно. Им никто не воспользовался.

Я поднялась на второй этаж и остановилась перед приоткрытой дверью. За ней кто-то негромко насвистывал портовую песню. Мелодию я знала, а слова предпочла бы забыть: обычно её пели после того, как приличное общество расходилось.

Свист оборвался на середине куплета.

— Заходите. Если дверь упадёт, не пугайтесь, она давно обещает.

Я толкнула её двумя пальцами.

В комнате было светло. Высокое окно выходило к морю, но стол стоял к нему боком; так удобнее работать с мелкими линиями. На стене висели схемы, под ними — открытые полки с коробками. Между двух чашек лежало приспособление с тремя стеклянными трубками. В одной медленно поднимался золотистый песок.

Мужчина у стола убрал ногу с нижней перекладины стула и встал.

Я ожидала увидеть кого-то старше. Седого, озлобленного, с тяжёлым взглядом человека, которого обошли при распределении должностей. Северин Роан был ненамного старше меня, с тёмными волосами, кое-как приглаженными после работы. Ворот рубашки расстёгнут, рукава закатаны. На большом пальце — широкое чернильное пятно.

Нос ему когда-то ломали. Неровность была едва заметной, но мешала лицу стать безукоризненно правильным.

— Госпожа?..

— Элина Вейр. Меня направила Адель Кест.

При фамилии мужа он не изменился в лице, только отодвинул обе чашки, освобождая стол.

— Садитесь. Что нужно разобрать?

— Брачную связь. Вчера я обнаружила постоянный отбор, о котором не знала.

Я достала тетрадь, но пока не открыла.

— Кест сказала, что у вас нет самостоятельного допуска.

— Верно. Три года назад меня лишили права удостоверять экспертизы. Консультировать я могу. Если дело дойдёт до испытания живой связи, нужен действующий независимый специалист. Моей подписи Палате будет недостаточно.

Он произнёс это без заминки, как человек, которому приходилось повторять такое часто. Мне стало чуть спокойнее. Не настолько, чтобы разжать пальцы на тетради.

— За что лишили?

Северин посмотрел на закрытую обложку, затем на меня.

— Я счёл выборочную проверку одного договора достаточной. Это было ошибкой. Потом, когда выяснилось нарушение, поспешил с публичными обвинениями. Надлежащих доказательств для части утверждений у меня не было, а я говорил так, словно они есть.

— Проверка была ваша?

— Да.

Он не отвёл взгляда. Глаза у него оказались тёмно-серыми, с более светлым ободком возле зрачка. Я заметила это с ненужной сейчас подробностью.

— Вы знали об отборе, когда подписывали заключение?

— Нет. Но проверил я меньше, чем следовало. Ответственность за это с меня никто не снимал.

Внизу хлопнула дверь лавки. По лестнице протопали двое, споря о цене карты.

— И почему Кест отправила меня к вам?

— Надеюсь, потому что теперь я полезен в более узких пределах. Но это лучше спросить у неё.

Я почти улыбнулась. Адель уже дала достаточно точный ответ.

— Тот договор был похож на мой?

— Я ещё не видел ваш.

Он сказал это чуть резче, чем прежде, потом потёр большим пальцем чернильное пятно.

— Простите. Мне не стоит начинать с готового вывода. В том случае тоже скрывали непрерывный отбор. Пострадала моя сестра. Поэтому у меня есть собственный интерес к таким связям, и вам лучше знать о нём до того, как мы договоримся.

Я убрала руку с тетради.

— Она сейчас?..

— Жива, разведена, работает в лоцманской конторе. И довольно сердится, когда я представляю её людям исключительно как пострадавшую.

В голосе впервые появилось что-то тёплое. Он на секунду посмотрел в окно и вернулся ко мне.

— Я хочу понять, повторяется ли одна и та же практика. Хочу, чтобы это удалось доказать. И хочу вернуть право работать со своей печатью. У меня нет беспристрастия во всём, что касается таких дел.

— А договор Вейров вы когда-нибудь видели?

— Нет. Ни собирал, ни обслуживал, ни проверял.

— Мне нужен мой дар, господин Роан. Сначала он.

— Тогда начнём с того, что у вас осталось в руках.

Я развернула тетрадь.

Он не придвинул её к себе. Повернул стул боком, чтобы видеть страницу, и подождал, пока я закончу рассказывать. Я показала семейный выход, входной контакт, короткий ход ограничителя. Когда дошла до воды между бронзовыми створами, Северин достал чистый лист.

— Модель работала всё время?

— Да. С предыдущего вечера.

— Ваш муж находился дома?

— На встрече. Никакой опасности не было.

— Об этом мы пока знаем с ваших слов. После возврата настройки модель восстановилась?

— Сразу.

Он записал ответ. Ни торжествующего восклицания, ни обещания немедленно разоблачить Ардена не последовало.

— Вы измерили два доступных участка и увидели связанную реакцию, — сказал он. — Это серьёзная причина для осмотра. Но заключение о том, когда и кем изменён весь договор, из неё не получится.

— Я этого и не писала.

— Вижу.

Он коснулся края листа возле мокрого пятна. Я машинально хотела объяснить, откуда оно взялось, и удержалась.

Северин взял карандаш.

— Здесь можно снять встречное показание. Тогда при следующем измерении мы сопоставим обе стороны, не трогая основную настройку. Эксперт поставит второй щуп на этот контакт…

— Он не встречный.

Карандаш остановился.

— На вашем рисунке — стандартная тройная посадка.

— Посадка стандартная. Площадка внутри кольца другая. Этот контакт для малой проверочной нагрузки, он соединён с тем же выходом.

— Через отдельный возврат.

— Через общую перемычку.

Он нахмурился.

Я почувствовала, как напряглись плечи. Сейчас он скажет, что я перепутала обозначения. Я начала готовить объяснение заранее — слишком подробное, почти извиняющееся.

Вместо этого взяла карандаш за свободный конец.

Северин отпустил его.

Я дорисовала дугу по наружному краю.

— Вот здесь. Я её не отметила, потому что рисовала точки, к которым прикладывала иглу. Если поставить второй щуп, как вы предлагаете, мы дважды увидим один и тот же остаток.

Он наклонился над страницей. Несколько секунд смотрел молча, потом потянул к себе собственный лист и перечеркнул первую линию.

— Да. С этой перемычкой — дважды.

Я продолжала держать карандаш, хотя могла вернуть.

— Вы мне верите?

— Почему нет? Вы держали эту вещь в руках. Я видел три кружка на бумаге.

Он поднял глаза.

— Но перемычку при осмотре всё равно посмотрим. На вашей первой записи её нет.

— Согласна.

— Покажете, как крепится наружная площадка? На бумаге. Снимать кольцо здесь не нужно.

Я перевернула страницу и нарисовала зажим.

На этот раз он не перебивал. Когда понадобилось уточнить расстояние, подвинул мне линейку. Она была деревянной, с выщербленным краем, и я невольно улыбнулась.

— Рабочий участок цел, — сказал Северин.

— Я ничего не сказала.

— У вас было выражение лица человека, которому хочется проверить.

— Хочется.

Он протянул вторую линейку, металлическую.

Мы приложили одну к другой. Деления совпали.

— Потрясающе, — сказал он. — Хоть что-то сегодня.

Я рассмеялась.

Смех вышел коротким и неожиданным. Ещё утром мне казалось, что на такую простую вещь потребуется особое разрешение.

Северин убрал линейки и снова посмотрел на рисунок.

— Кто делал эту подгонку до вас?

— Томас Ирт. Внутренним узлом он занимается и сейчас. То есть должен был заниматься при обновлении.

Я поправила себя с запозданием: ещё вчера будущее состояло из вполне определённых договорённостей. Теперь каждую приходилось проверять отдельно.

Северин записал имя, ничего не комментируя.

— Знакомы с ним?

— По работе. Этого недостаточно, чтобы знать, что он сделал в вашем доме.

— Вы очень осторожны в формулировках.

— Когда вспоминаю, сколько они стоят.

Он сказал это сухо. Я не стала расспрашивать дальше.

Из открытого окна потянуло прохладой. На подоконнике лежал гладкий камень, прижимавший стопку бумаги. Я узнала серые прожилки: такие попадались на Белой косе. Там хорошо было сидеть у воды, если успеть до прилива.

— Вы с мужем давно работаете? — спросил Северин.

— Почти с самой свадьбы.

— В мастерской?

— Где потребуется. Соединения, расчёты переходов, подготовка испытаний. Ещё письма заказчикам, если выясняется, что два мастера уже неделю спорят о разных вещах.

— Полезное умение.

— Выбирать, кому первому об этом сказать?

— Делать так, чтобы после этого продолжили работу.

Я улыбнулась краем рта. Он, кажется, представлял обе трудности достаточно хорошо.

Пока мы говорили, золотистый песок в стеклянной трубке добрался до верха и замер. Северин повернул маленький винт. Песок тонкой струёй пошёл в соседнюю трубку, оставляя первую пустой.

— Что это?

— Разделитель для счётных весов. Хозяин лавки внизу жалуется, что у него два товара на одной чаше иногда считаются как один.

— Он поставил общий накопитель?

— Да.

— Сэкономил.

— Пока только на здравом смысле. За ремонт всё равно заплатит.

Это была обычная работа, довольно мелкая. Никакого жалкого блеска прежнего величия. Мне понравилось, что на столе у опального поверителя лежала вещь, которую кому-то обещали починить.

Северин отодвинул разделитель, освобождая ещё немного места.

— Ваш первый вопрос эксперту — можно ли прекратить новый отбор, сохранив связь пригодной для исследования. Не исторический расход. Не виноват ли изготовитель. Сначала это.

— Вы сможете?

— Самостоятельно — нет. Я не видел узел и не знаю, как он сейчас отвечает на изменение нагрузки. Могу подготовить вопросы и схему осмотра. Работать с вашим потоком здесь я не стану.

Я посмотрела на кольцо. Под крышкой, наверное, всё ещё горела белая жилка. Смотреть снова не хотелось.

— Сколько нужно ждать?

Он потянулся к тонкой тетради с адресами.

— Я бы предложил Юну Тарр. Действующий эксперт, умеет работать с долгими связями. Принимает неподалёку от Палаты. Но сначала надо узнать, возьмётся ли она завтра.

— Она работает на вас?

— Нет. И не позволит мне вести осмотр за неё.

В голосе мелькнуло раздражение — небольшое, почти смешное. Северин, видимо, не раз проверял эту границу на практике.

— Это меня устроит, — сказала я.

Он чуть склонил голову, принимая ответ, и написал короткую записку. Протянул её мне.

В записке он кратко пересказал мой опыт и просил принять меня утром. Я прочитала и кивнула.

Северин позвал вниз. Из лавки поднялся мальчишка, выслушал поручение и получил несколько монет.

— Если госпожа Тарр не на месте, оставь записку и узнай, когда ответит. Ничего от себя не прибавляй.

— Я никогда не прибавляю.

— В прошлый раз ты сказал, что у меня отваливается рука.

— Вы велели сказать, что дело не терпит.

Мальчишка ловко увернулся от двери и исчез. Я проводила его взглядом.

— Он тоже экономит, — объяснил Северин. — На словах.

Я снова улыбнулась, хотя в висках уже начинало стучать. День получился длинным. Я выпрямилась, пытаясь сесть удобнее, и переложила тетрадь со своего колена на стол.

Северин это заметил.

— Хотите воды?

— Да. Спасибо.

Он налил мне из кувшина, а себе взял остывший чай. Чашки, как выяснилось, обе принадлежали ему: в одной чай был вчерашний.

— У вас нет помощника? — спросила я.

— Есть. Он слишком дорого берёт за доставку записок и сочиняет подробности.

Мы помолчали. За окном прошла чайка, так близко, что на миг закрыла свет.

— Песню вы остановили на самом интересном месте, — сказала я.

Северин посмотрел на меня поверх чашки.

— Вы знаете продолжение?

— Моя тётушка всегда успевала потребовать, чтобы музыканты перешли к другому куплету. Но одного раза хватило.

Он медленно улыбнулся.

Сначала чуть приподнялся угол рта, потом в глазах появилось весёлое ожидание, будто он уже представлял мою тётушку посреди портового застолья. От этой улыбки я на мгновение забыла, зачем держу стакан обеими руками.

— Не стану проверять при свидетеле, — сказал он, кивнув на приоткрытую дверь.

— И правильно. Могу взять с вас плату за выступление.

Я опустила глаза на воду.

Вчера я ушла от мужа. Сегодня сидела у незнакомого мужчины и замечала его улыбку. Ни решение о разводе, ни белая жилка в кольце от этого никуда не делись. Но я всё же поставила стакан и вернулась к тетради чуть поспешнее, чем требовалось.

— Сколько будет стоить ваша работа?

Северин назвал два серебряных за разбор записи и подготовку к первичному осмотру. Если Юна сочтёт нужным его присутствие, этот выезд тоже входил в сумму. Дальше предстояло считать заново.

— Сейчас у меня немного денег, — сказала я. — Семейный счёт для меня закрыт. Могу заплатить сегодня, но тогда…

Я осеклась. Не хотелось пересказывать ему стоимость комнаты и содержимое кошелька.

Он взял чистый бланк.

— За эту работу можно рассчитаться через неделю. Следующую начнём только после новой договорённости. Устроит?

— Да.

Я прочитала его условия. Короткий перечень, срок, цена. Внизу оставалось место для двух подписей, а сбоку — для пометок.

— А ваше исследование похожих случаев? — спросила я.

— Сейчас я беру плату за консультацию по вашему договору.

— Вы всё равно будете сравнивать.

Северин поднял голову. Взгляд стал внимательнее, и на миг мне показалось, что я ему мешаю приступить к самой интересной части.

— Буду. Вопрос в том, что с этим делать.

— Без моего согласия — ничего от моего имени. Я ещё не знаю, чего потребует собственное дело.

Он постучал концом пера по столу.

— Если дело станет открытым, уже предъявленные сведения смогут читать другие.

— О том, что предъявлять, я буду решать с Адель. Я говорю о материалах, которые передаю вам.

Он несколько секунд смотрел на лист, потом развернул его ко мне.

— Допишите.

Я вписала, что использование моих записей в сторонних обращениях и публичных заявлениях требует отдельного согласия. Северин прочитал добавление, уточнил одно слово — чтобы не запрещалось показать схему выбранному нами эксперту, — и поставил подпись под всем текстом.

Я подписала следом.

Тетрадь осталась у меня. Для Юны я перерисовала наружные контакты на чистый лист, уже с перемычкой. Возле первого рисунка в тетради отметила, что добавила её сегодня по памяти после нашего разговора. Нельзя было делать вид, будто вчерашняя запись с самого начала содержала то, чего в ней не было.

Когда мальчишка вернулся, я как раз дописывала последнее обозначение.

Юна соглашалась принять меня завтра, к девяти. В коротком ответе просила принести свидетельство, все собственные записи и ничего больше не испытывать без неё. Отдельной строкой стояло: «Присутствие господина Роана возможно как консультанта. Порядок работы определю после предварительного осмотра».

Северин прочитал строку и хмыкнул.

— Предусмотрительная женщина, — сказала я.

— Очень.

Он написал адрес, указал, какой вход искать, и вернул мне оба рисунка. Себе оставил только наши вопросы и экземпляр соглашения.

Я поднялась. Комната на мгновение качнулась; пришлось опереться на спинку стула. Северин тоже встал, но не схватил меня за руку.

— Посидите ещё минуту.

— Пройдёт.

— Вероятно. Стул пока свободен.

Я сердито посмотрела на него и села. Он безмятежно занялся стеклянными трубками.

Когда шум в ушах стих, я убрала тетрадь в сумку и забрала со стола свой экземпляр соглашения.

— До завтра, господин Роан.

— До завтра, госпожа Вейр.

На лестнице пахло краской и пылью. Из лавки доносилось шуршание карт. Я держалась за перила, берегла силы и уже не пыталась идти быстрее, чем могла.

Завтра в девять у меня будет независимый осмотр.

А сегодня нужно было вернуться в пансион и поужинать. В кошельке оставались девять серебряных и немного меди — часть мелочи ушла на еду. Кольцо всё ещё тянуло мою силу, и от одной новой договорённости ничего в нём не изменилось.

У подножия лестницы я остановилась, вытащила из сумки лист с адресом и перечитала время.

Потом аккуратно сложила его рядом с заявлением о разводе.

Глава 4. То, что было подписано

На третьей странице стояло: «Не более одной десятой».

Я прочитала ещё раз. Выше говорилось об опасной перегрузке, ниже — о прекращении помощи, когда опасность миновала. Условия были одинаковыми для обоих супругов.

Ни постоянного расхода, ни платы за жизнь в доме в договоре не нашлось.

— Это всё? — спросила я.

— Всё, что зарегистрировано, — ответила Адель. — Вместе с приложением о завершении срока. Позднейших соглашений в реестре нет.

Она положила рядом последний лист. На нём темнели наши подписи. У моей буква «Э» получилась слишком большой: я помнила, как задела пером край серебряного песочника и Арден рассмеялся. Тогда мне казалось, что я испортила красивую страницу.

Теперь я провела пальцем по воздуху над оттиском печати.

Я помнила условия правильно.

От этого не стало легче. Исчезло только одно мучительное предположение: вдруг я когда-то согласилась на всё, а потом удобно забыла.

За окном пробило девять.

Кабинет Юны Тарр находился в невысоком доме возле Палаты. Я пришла раньше назначенного времени и застала Адель на лестнице. Вчера я успела сообщить ей об осмотре; сегодня она уже получила реестровые листы и распоряжение о сохранности узла. Бумаги были перевязаны узкой серой лентой.

Сама Юна сидела напротив меня. Тёмные волосы она собрала на затылке, закрепив деревянной шпилькой. На указательном пальце был мозольный ободок от инструмента, похожий на мой. Пока я читала, она разбирала плоский футляр, в котором каждая вещь лежала в своём гнезде. Для винтов предназначалась маленькая жестяная коробочка.

Разумная женщина.

Северин стоял у окна. Он пришёл последним и успел только поздороваться: Юна сразу попросила дать мне прочитать договор.

— Покажите записи, — сказала она теперь.

Я раскрыла синюю тетрадь. Юна выслушала рассказ, сверила рисунки и остановилась на дополненной перемычке.

— Это появилось вчера?

— На рисунке — вчера. В кольце она была, когда я сняла крышку. Я сначала не отметила её, а при разборе с господином Роаном стало ясно, что без неё можно ошибиться.

Юна посмотрела на помету о дополнении и кивнула.

— Так и оставим. Первую запись задним числом не исправляем.

Снимок двух страниц с рисунком и дополненной перемычкой она сделала на тонкой матовой пластинке: провела по краю рамки, и на стекле проявились мои линии, влажное пятно, две разные даты.

Перевернув первый лист, Юна обнаружила мою перепись наружного сервисного перечня. Она сняла оборот отдельной пластинкой, внесла оба снимка в журнал осмотра под своими номерами и отметила: «Рукописная копия из тетради госпожи Вейр; содержание предъявлено при осмотре дня третьего. Подлинник сервисного перечня не исследован». Это удостоверяло существование моей записи на сегодняшний день, но не происхождение листа, оставшегося у Ардена. Пластинки Юна вложила в разные подписанные чехлы, а тетрадь вернула мне.

— Кольцо с тех пор перестраивали?

— Нет. Только закрыла крышку после опыта.

— Снимите и положите сюда.

Я выполнила просьбу. Юна осмотрела крышку под увеличительным стеклом, записала метки, осторожно вывернула винты. Перемычка оказалась там, где я её нарисовала.

Северин чуть подался вперёд, но промолчал.

Юна подключила свой измеритель. На длинной полоске стекла появились две светлые дорожки. Одна была примерно вдвое шире другой.

Она подождала, изменила положение проверочной иглы, дождалась нового устойчивого показания и отметила время. Обе подробные временные полоски она сохранила в журнале целиком, не заменяя их одним итоговым числом: сегодня важнее всего было прекратить продолжающийся отбор.

— Сейчас вы ничего не делаете? Огонь, нагрев, защита?

— Ничего.

— Так и сидите.

У меня появилось нелепое желание оправдаться: обычно я всё-таки что-нибудь делала. Юна смотрела на стекло, и я удержала язык за зубами.

— Поток идёт постоянно, — сказала она через несколько минут. — На стороне вашего рабочего выхода остаётся примерно треть. Остальное уходит в брачную связь. Это показание нынешнего режима, госпожа Вейр, не расчёт за годы.

— Значит, я не ошиблась.

— В главном наблюдении — нет.

Я закрыла глаза.

Откуда-то из соседней комнаты слышался стук: три раза, пауза, ещё три. Кто-то проверял устройство. Мир не остановился от того, что незнакомая женщина спокойно подтвердила невозможную для меня вещь.

— Можно прекратить это сегодня? — спросила я.

— Можно поставить временный обход. Сначала снимем показания второго конца и убедимся, что возврат не создаёт лишнего толчка. Я хочу видеть оба выхода, когда буду менять распределение.

— Арден не согласится.

— Его согласие на ваше обращение не требуется, — сказала Адель. — Осмотр разрешён. Внизу ждёт уполномоченный Палаты.

Я посмотрела на серую ленту вокруг бумаг. Вчера мои листы лежали в общей стопке у регистратора. Сегодня из этой стопки уже получилось действие.

Юна убрала прибор, но кольцо оставила на мягкой подкладке.

— Сразу объясню, что именно мы сделаем. Я перехвачу ваш поток до передачи мужу и верну его на вашу сторону. Малый накопитель сгладит колебания. Сам старый канал пока останется.

— Почему нельзя закрыть его совсем?

— Потому что ваш источник привык отдавать постоянно. Если оборвать путь одним движением, то, что уже пошло в него, ударит обратно. Наружную передачу мы можем изменить безопасно. Для полного закрытия понадобится разобраться, как ведёт себя весь узел, и подготовить дар к другому режиму.

Я посмотрела на маленькое кольцо. Мне снова захотелось раздавить его каблуком. От желания оно не стало безопаснее.

— Сколько времени есть?

Адель повернула ко мне последний лист договора.

— Двадцать пять дней. Срок заканчивается вечером, в час вашей регистрации. Для продления нужна ваша новая подпись; без неё новой связи не будет.

Почти четыре недели. Я уже знала это, но раньше срок означал примерку платья, ювелира и обед после новой клятвы. Теперь он стал датой, к которой нужно успеть сделать что-то с живым каналом внутри меня.

— Обход от этого срока не избавит. Он работает на старой связи. Поэтому до её окончания мы либо постепенно разомкнём канал, либо временно изолируем ваш дар.

— Изолируем?

— На два-три месяца, с последующим возвращением к работе. Вы будете жить обычной жизнью, только без колдовства. Точнее скажу после наблюдения. Этот способ позволяет безопасно переждать закрытие.

Я посмотрела на Северина. Он не вмешался, хотя, судя по лицу, хотел.

— А мои записи? Дело?

— Останутся, — ответила Адель. — И право на развод, и денежные требования. Потеряем возможность полностью измерить работающий старый канал. Уже полученные документы и показания никуда не исчезнут.

Юна уложила кольцо на подкладке в отдельное гнездо и закрыла футляр.

— Вы не обязаны решать сейчас, каким способом закончите. Сегодняшняя защита сохраняет оба варианта.

Я представила два-три месяца без простейшего огонька. Как придётся пользоваться общей кухней, заново считать деньги, искать работу, для которой не нужен действующий дар. Это была жизнь. Возможно, вполне хорошая жизнь. Но я только что увидела на стекле, сколько силы у меня есть, и хотела узнать, что смогу с нею сделать.

— Ставьте обход, — сказала я. — А потом попробуем подготовить размыкание.

— Попробуем, — согласилась Юна. — Без обещания успеть любой ценой.

***

Уполномоченный был невысоким мужчиной с тяжёлой папкой под мышкой. По дороге он уточнил, в какой комнате стоит узел и кто имеет ключи.

Дверь дома открыл слуга. Увидев меня, потянулся к дорожной сумке — я опять взяла её с собой, хотя вещей в ней почти не было.

— Не нужно, — сказала я.

Он отступил. В холле пахло тем же полиролем. На столике стоял букет, который я заказала к обеду с людьми из гавани. Цветы ещё не успели завянуть.

Арден вышел из столовой.

Сперва посмотрел на меня, потом на Адель и человека с папкой. Когда увидел Северина, его рот едва заметно дрогнул.

— Ты быстро нашла советчика.

— Я обратилась к госпоже Тарр, — сказала я.

Юна предъявила свою печать и распоряжение. Арден прочитал оба документа внимательно. С этой внимательностью он обычно разбирал чужие условия, прежде чем предложить свои.

— Узел исправен. Жена проводила обслуживание и, видимо, неверно установила наружную часть. Я предлагал вызвать изготовителя.

— Это объяснение будет внесено, — ответила Юна. — Сейчас мне нужен доступ к рабочему выходу связи. Внутреннюю сборку сегодня разбирать не будем.

— И Роану тоже нужен?

Северин сцепил руки за спиной.

— Господин Роан присутствует как консультант, — сказала Юна. — Измерения и заключение мои.

Арден задержал на нём взгляд. Мне показалось, что он выбирает следующую реплику, но уполномоченный уже раскрыл папку.

— Где находится рабочая комната?

Я повела их сама.

На моём столе больше не было футляра с синим камнем. Чашку тоже убрали. Стеклянное блюдце стояло на прежнем месте, чистое, как будто два дня назад на нём ничего не произошло.

Юна осмотрела доступные контакты у шкафа с узлом. Янтарный свет за бронзовой сеткой горел ровно. К закрытой внутренней сборке она не притронулась: закрепила снаружи измерительную рамку и попросила Ардена оставить устройства в обычном режиме.

— Не подавайте ничего специально для проверки и не отключайте работающие приборы.

Он кивнул. Модель регулятора по-прежнему держала между бронзовыми створами тонкую стенку воды.

Я села у собственного стола. Юна вынула кольцо из футляра и установила передо мной на подкладке.

Северин расположил рядом чистую пластинку для записи. Юна попросила его отмечать время смены показаний, затем сама проверила обе рамки. Я узнала ход измерения, но её приборы снимали больше, чем могла моя игла. Две дорожки на стекле разделились ещё яснее.

— Запишите: устойчивый режим, — сказала она.

В комнате все молчали. Арден стоял у окна, положив ладонь на спинку стула. На секунду меня охватило знакомое чувство: я задерживаю работу, заставляю занятых людей заниматься собой, следовало хотя бы предложить чай.

Я опустила взгляд на руки и оставила их на подкладке.

Юна повторила измерение, дождалась, когда показания перестали колебаться, и сделала контрольный оттиск. Уполномоченный сверил время. Северин поставил свою помету рядом, не касаясь места для экспертной печати.

— Постоянная односторонняя передача подтверждена, — сказала Юна. — В наблюдаемом режиме условия аварийной помощи не соблюдаются. Сейчас уходит около двух третей текущего потока её источника.

— После вмешательства в оконечность, — добавил Арден.

Юна повернулась к нему.

— Ваше возражение записано. Оно не даёт основания продолжать передачу против воли госпожи Вейр.

Он посмотрел на меня.

— Элина, ты действительно хочешь, чтобы посторонний человек перенастраивал твой дар?

Я узнала интонацию. Так он спрашивал, уверена ли я в заказанном платье, маршруте поездки или слишком смелой, по его мнению, переделке.

— Я хочу, чтобы моя сила перестала уходить к тебе.

Юна дождалась, пока я снова посмотрю на неё.

— Начинаем?

— Да.

Юна достала небольшую серебряную накладку с молочным камнем. Вблизи она больше походила на скобу для починки оправы, чем на вещь, способную что-то изменить в моей жизни.

— Здесь накопитель, — сказала она, показывая камень. — Он сглаживает возврат, а не собирает ваш запас на будущее. На контрольном приёме научитесь разряжать его небольшой работой.

Она закрепила накладку поверх кольца, не меняя старых контактов. По серебру пробежала короткая светлая нить. Юна придержала её иглой, другой рукой повернула наружный винт на своей рамке.

У меня потянуло под локтем, словно я слишком долго держала руку на весу.

— Больно?

— Нет. Непривычно.

— Говорите, если изменится.

Северин отмечал время. Адель стояла возле меня, но смотрела на прибор, а не на моё лицо; за это я была ей благодарна.

Полоска на стороне Ардена стала уже.

Из модели выплеснулась вода. Арден шагнул к ней, поднял ладонь, и бронзовые створы снова удержали дрожащую стенку. По краю его рукава прошёл огненный отблеск.

Он умел это делать. Теперь я особенно ясно видела, что умел.

Юна не отвлеклась. Дождалась, пока новый режим устоялся, и подвела иглу к последней метке. Потягивание в руке ослабло.

— Посмотрите сюда, — сказала она мне.

На узкой дорожке, ведущей к мужу, больше не было света. Зато линия возле моей ладони стала шире. Она не дёргалась, не билась о край шкалы; ровно держалась там, где Юна её остановила.

Я смотрела, боясь моргнуть.

Юна повторно сняла показания, затем поставила печать на второй пластинке.

— Ваш поток к господину Вейру больше не поступает. Сейчас возврат устойчивый.

В комнате было тихо.

Я ждала, что почувствую что-нибудь огромное. Что выпрямится спина, перестанут дрожать пальцы, исчезнут два дня, в которые я почти не спала.

Спина болела. Пальцы дрожали.

Юна надела мне кольцо с накладкой и предложила зажечь малое пламя над блюдцем.

Я поднесла руку.

Огонёк вспыхнул быстрее, чем я ожидала. Не пришлось тянуться за ним куда-то в тусклую усталую глубину. Он был здесь — высокий, ровный, почти такой же, как во время первой пробы.

— Немного меньше, — сказала Юна.

Я убавила усилие. Огонь уменьшился не сразу. В груди неприятно толкнуло, молочный камень потеплел.

Юна коснулась рамки, и пламя выровнялось.

— Пока запаздываете с поправкой. Это нормально для первого раза. Теперь погасите.

Я послушалась.

После огня осталось тёплое стекло. Я положила ладонь рядом с ним и вдруг поняла, что не хочу ни спорить с Арденом, ни смотреть, как он объясняет происходящее. Мне хотелось взять блюдце и унести. Смешное желание: самое дешёвое блюдце в этой комнате.

Но я оставила его на столе.

— Так будет и вечером? — спросила я.

— Если пока не давать большой нагрузки. Обход не возвращает выносливость за один день. Старый путь по-прежнему может потянуть слишком резко, если вы поспешите. Весь поток сразу мы вам в работу не отдаём.

Юна показала тонкую контрольную черту на камне. При спокойном режиме она оставалась у края. Если поднимется к красной риске, нужно прекратить свою текущую работу и дать накопителю выровняться. Саму накладку трогать не следовало.

— Управлять своим усилием будете вы. Переустанавливать защиту — я. И больше никто, — сказала она, глядя уже не только на меня.

Арден отвёл глаза от кольца.

Уполномоченный закончил запись и попросил отойти от главного шкафа. На бронзовую сетку легла охранная лента; он свёл её концы, приложил печать. Янтарный свет внутри остался прежним.

— Узел сохраняется здесь. Доступ к нему — только по разрешению Палаты с фиксацией осмотра.

— Вы собираетесь оставить его так до окончания срока? — спросил Арден.

— До следующего разрешённого действия, — ответила Юна. — Для полного внутреннего чтения придётся разделять работающие участки. Сегодняшняя защита этого не требует. Полный осмотр будем готовить вместе с отключением.

Она отметила показания через закрытую сетку ещё раз. По времени и меткам должно было быть видно, в каком состоянии узел оставили. Никто не снимал его с места.

На архивный шкаф уполномоченный наложил отдельную ленту. Я посмотрела на дверцу и подумала о листьях между страницами толстой тетради.

— Когда я смогу забрать записи?

— Через три дня, при описи, — сказала Адель. — Сегодня разрешено обеспечить сохранность. Принадлежность и выдачу оформим отдельно, чтобы потом не спорить, что именно было вынесено.

Арден достал ключ, но уполномоченный не принял его: ключ оставался у владельца, печать запрещала пользоваться им без разрешения. Арден убрал ключ в карман. Я ещё раз посмотрела на ленту.

Когда Юна собирала приборы, Арден подошёл ко мне.

— Ты можешь остаться. До тех пор, пока всё это выясняется.

Он говорил негромко. В рабочей комнате стояли посторонние, и на мгновение я увидела, как нелепо выглядит наш разговор рядом с их папками и футлярами.

— У меня есть где жить.

— В пансионе у гавани.

Значит, прочитал адрес в заявлении. Или узнал другим способом. Мне не хотелось выяснять.

— Да.

Он посмотрел на серебряную накладку.

— Ты ещё пожалеешь об этой спешке.

Я застегнула сумку. Тетрадь была на месте.

— Тогда и разберусь, о чём именно.

Я не чувствовала ни храбрости, ни особенной ясности. Просто больше не могла провести ещё один разговор, в котором он называл моё решение временным недомоганием.

***

После дома мы вернулись к Юне. Она проверила накладку ещё раз, когда я спокойно посидела, и выдала мне краткую запись с показаниями до и после защиты. Удостоверенный экземпляр должен был уйти в Палату; её собственный журнал остался у неё. Адель забрала заверенные условия и необходимые копии для дела. Синяя тетрадь снова легла в мою сумку.

За первичную защиту счёт мне не выставили: она входила в назначенную Палатой меру. В неё же включали завтрашний контроль. Дальнейшую работу и испытания предстояло оплачивать отдельно.

Адель развернула передо мной ещё два документа.

Первый относился к имуществу. Семейные средства подлежали учёту; сумма приданого резервировалась, а часть имущества оставалась обеспечением спорных требований. Размер окончательного расчёта никто пока не устанавливал. Арден мог вести текущие дела, но вывести всё из-под будущего решения уже не мог.

— Эти деньги сейчас мне не выдадут? — спросила я.

— Сейчас их сохраняют. Выплата будет по отдельному основанию. Поэтому комнату пока считайте из того, что у вас есть.

Я кивнула. Девять серебряных не превратились в двадцать от красивой печати.

Условия дальнейшей работы Адель мы записали по этапам: ближайшие запросы и представительство, затем отдельные испытания и окончательное рассмотрение. Часть её гонорара откладывалась до расчёта по имуществу. Прежняя плата за подготовку первых обращений оставалась со своим недельным сроком.

Во втором документе стояла дата рассмотрения развода — следующий день после истечения магического договора.

— Дата не зависит от выбранного способа отключения, — сказала Адель. — Денежный спор при необходимости тоже может продолжаться отдельно.

Я достала тетрадь и нарисовала маленький календарь. На последнем вечере срока поставила круг. На следующем дне — короткое слово «Палата».

Юна указала на день перед кругом.

— Если подготовка и проверки позволят, отключать будем в этот день, днём. Следующий день оставим в запасе. Готового разрешения на опыт ещё нет: его получим по проверенной последовательности.

Я поставила карандашную отметку. Её можно было стереть. Мне неожиданно понравилось, что Юна не просит обвести её чернилами.

— А если не получится?

— Изоляция останется доступна. Не в последнюю минуту, поэтому будем вовремя сверять состояние и сроки.

Я посмотрела на две даты, потом на собственную руку.

— Завтра начнём с того, сколько вы сейчас можете удержать спокойно, — сказала Юна.

Северин, до этого разбиравший свои пометки, поднял голову.

— И посмотрим, что происходит при переходе между малыми нагрузками.

— После исходной проверки, — сказала Юна.

Он вздохнул.

— После исходной проверки.

На лестнице мы договорились о его следующем разборе отдельно: ещё один серебряный, с тем же сроком оплаты, что и прежнее поручение. Он помог бы мне понять результаты завтрашней пробы. Пока этого было достаточно; обещать оплатить месяцы чужой работы я не могла.

Северин придержал наружную дверь. За ней шумел обычный день, пахло хлебом из соседней пекарни. Я остановилась на пороге, почувствовав внезапный голод.

— Вы ели? — спросил он.

— Утром.

— Я тоже. Было давно.

Он посмотрел на пекарню, я — на кошелёк. В конце концов каждый купил себе по горячему пирожку, и мы съели их у низкой ограды, пока остывала бумага вокруг начинки.

Северин обжёг язык и некоторое время не мог поддерживать беседу. Я постаралась не проявить слишком заметного удовольствия.

— Что? — спросил он, едва сумел говорить.

— Ничего. Приятно видеть, что вы тоже не всегда ждёте, пока режим станет устойчивым.

Он посмотрел на свой пирожок.

— Эту запись в Палату не понесу.

Я улыбнулась и откусила маленький кусок. Начинка была ещё горячей. Кольцо тоже оставалось чуть тёплым, но контрольная черта у края молочного камня не двигалась.

Мне предстояло научиться пользоваться тем, что теперь оставалось со мной.

Глава 5. Сила, которой надо учиться

Шесть серебряных легли на кухонный стол рядом с миской сухого гороха.

Рута вытерла руки о передник и посмотрела сперва на монеты, потом на меня.

— За три ночи, — сказала я.

— Помню.

Она пересчитала деньги, внесла плату в книгу и повернула её ко мне. Против моего имени стояли три коротких штриха, перечёркнутые одной чертой.

В кошельке осталось три серебряных и медь.

— Дальше я тоже хочу остаться, — сказала я. — Но сразу на неделю заплатить не смогу.

Рута подцепила ногтем кожицу с горошины и бросила её в отдельную миску.

— Ещё три ночи на тех же условиях. Рассчитаемся утром через три дня. К этому времени скажешь, как идут дела. Пока так.

— Хорошо.

— И не надо смотреть, будто я выставляю тебя на мостовую. Мне нужно понимать, чем платить поставщику. Твоё имя уже стоит в книге, комнату я никому не обещала.

Она подвинула мне хлеб.

Я съела кусок, пока он был тёплым. Вчера после возвращения из дома мне всё хотелось проверять кольцо. Ночью я дважды проснулась и смотрела на молочный камень при свете уличного фонаря. Черта оставалась у края. К утру силы не прибавилось настолько, чтобы захотелось бежать по лестнице, но я впервые не поднялась с постели уже изнурённой.

Это оказалось небольшим, почти неприметным различием. Я боялась придавать ему слишком много значения.

— Сегодня опять к госпоже Тарр? — спросила Рута.

Я кивнула.

— Будем пробовать, как я работаю без…

Я запнулась. Не хотелось каждый завтрак начинать с того, чего больше не получал Арден.

— С новым режимом, — закончила я.

— Ну и ладно. Поешь как следует. На пустом желудке у меня даже счета не сходятся.

Из общей залы донёсся резкий стук. В раскрытом окне ударилась о раму створка; Рута поднялась и велела одному из постояльцев придержать её, пока она не принесёт упор.

— Опять щит? — спросил кто-то.

— Пока ветер, — ответила Рута. — Щиту выскажу отдельно.

Она вернулась с деревянным клинышком. Я уже потянулась посмотреть на край рамы, но часы над дверью напомнили о приёме.

— Не опаздывай, — сказала Рута. — С окном я прожила всю зиму. До обеда переживу.

Я взяла тетрадь и ушла.

***

На столе у Юны лежали три одинаковые керамические пластины с медными дорожками. Под одной был просунут белый лист.

— Сегодня ничего сложного, — сказала она. — Малое свечение. Держим ровно, меняем силу, гасим. Между попытками отдыхаем и смотрим показания обхода.

Она проверила камень и сняла исходную запись. Передачи Ардену не было; утреннее показание возврата оставалось устойчивым. От этих слов я наконец перестала прислушиваться к кольцу.

Сначала Юна показала, как разрядить остаток из накопителя на малую лампу. Я повторила движение. Свет держался недолго; молочный камень остыл, черта опустилась к нижней метке. Такую разгрузку предстояло делать регулярно, на собственной небольшой работе.

Северин сидел сбоку, раскладывая свои листы. Сегодня у него были аккуратно застёгнуты манжеты. Одну он почти сразу расстегнул: край ткани мешал проводить линию.

— Начнём с пустой пластины, — сказала Юна. — Соберите соединение так, как привыкли.

Работа была знакомой. Две опоры, тонкая перемычка, край, который не должен задевать соседнюю дорожку при нагреве. Я попросила малые щипцы, поставила первую опору и неожиданно успокоилась.

Здесь не требовалось доказывать, что я помню слова договора. Нужно было совместить две вещи, которые либо сходились, либо нет.

Я подогнула край, проверила зазор собственной иглой и замкнула дорожку.

— Готово.

Юна наклонилась к столу.

— Подайте самое малое усилие, какое обычно использовали для такой детали.

Я положила два пальца возле опоры.

Медная дорожка засветилась.

Свет был ровным, мягким. Я смотрела на него и ждала знакомого провала: обычно через несколько мгновений приходилось добавлять усилие, иначе край начинал гаснуть.

Край не погас.

Я всё равно подтолкнула поток.

Это было почти незаметное движение, привычное до такой степени, что я поняла, что сделала, уже после вспышки.

По меди пробежало белое пятно. Что-то сухо щёлкнуло, и на лист под пластиной упала крошечная капля расплавленного металла.

Юна убрала подачу на учебный образец. Камень на кольце стал горячим; его контрольная черта поднялась, но остановилась ниже красной риски.

Я отняла руку.

Посередине медной дорожки чернел разрыв.

Три секунды назад она была целой.

— Сидите спокойно, — сказала Юна. — Накладку не трогайте.

Я посмотрела на Северина. Он уже успел записать время. На его листе рядом с моей попыткой появилась короткая отметка.

Мне хотелось, чтобы он её стёр.

Юна дождалась, пока камень остыл, проверила возврат и только потом перевела взгляд на испорченную пластину.

— Защита цела. Пострадал образец.

— Я вижу.

Ответ вышел слишком резким. Я взяла щипцы и повернула пластину разрывом от себя. Потом положила рядом тетрадь, прикрыв обгоревший край.

— Возьму другую, — сказала я. — Здесь, наверное, медь была тоньше.

Юна не протянула следующую пластину.

— Сначала посмотрим эту.

Я знала, что она скажет. Что не стоило браться за работу, пока не научилась держать собственный огонь. Что аккуратная подгонка хороша до тех пор, пока кто-нибудь другой управляет силой.

Арден говорил это иначе, обычно мягче. «Ты всё сделала хорошо, дальше я сам». Когда я убирала руки, трудное устройство начинало слушаться.

Северин чуть сдвинул свой стул, чтобы увидеть пластину, и остановился. Тетрадь лежала поперёк неё.

Никто не стал вытаскивать из-под неё образец.

Это было хуже, чем замечание. Приходилось самой решать, как долго держать на столе эту нелепую заслонку.

Я убрала тетрадь.

— Я добавила слишком много, — сказала я. — До того, как стало нужно.

Юна кивнула.

— Что почувствовали перед этим?

— Ждала, что край начнёт гаснуть.

— Он начал?

— Нет.

— Значит, теперь пробуем дождаться того, что действительно происходит.

Она пододвинула лупу. Я посмотрела на медь. Разрыв шёл поперёк дорожки, в самом тонком месте. Обе опоры оставались целыми, соседняя линия не потемнела. В соединении не было перекоса.

Это знание ещё не утешало. Но с ним можно было что-то делать.

— Я привыкла прибавлять заранее, — сказала я. — Иначе не успевала.

— В старом режиме часть прибавки уходила мимо вашей работы, — ответила Юна. — Сейчас она доходит. А обход не успевает спокойно выровнять такой резкий толчок. Поэтому мы и начали здесь, на малой нагрузке.

Я посмотрела на камень. Контрольная черта вернулась к краю.

— Значит, я буду сжигать всё, за что возьмусь?

— Сегодня вы сожгли одну учебную дорожку. Давайте пока считать именно её.

Юна сказала это без улыбки и отошла к журналу. Я опустила голову над лупой.

По коридору прошли двое. За дверью попросили подождать. В соседней комнате снова раздались три удара с паузой. Я вспомнила, что Юна принимает здесь не только меня, и почти предложила освободить стол.

Вместо этого взяла перо.

Записала малое усилие, устойчивый свет и преждевременную прибавку. Возле последней поставила время с листа Северина. Затем нарисовала разрыв.

Он подвинул мне свой лист поближе.

— В этот момент подача выросла, а вы продолжали следить за дальним краем.

— Я ждала, что дальний край начнёт гаснуть первым.

— А на этот раз первым нагрелся вход.

Я посмотрела на рисунок ещё раз. На прежнем потоке такое случалось редко: до середины пластины доходило меньше, чем я собиралась дать.

— Нужно начинать ниже и следить за ближней точкой, — сказала я. — Тогда успею заметить перемену до того, как поправлю то, что ещё не испортилось.

Северин кивнул и убрал свой лист, освобождая место для работы.

Я срезала потемневший кусок меди. Оставшуюся дорожку следовало соединить с новой так, чтобы стык не выпирал. Это заняло больше времени, чем сборка целой пластины. Рука дважды дрогнула, пришлось отложить щипцы.

— Могу подержать опору, — предложил Северин.

— Лучше подайте тонкую иглу. Опору мне нужно чувствовать самой.

Он нашёл нужную и положил на край подкладки рукоятью ко мне.

Я поправила стык, проверила просвет и наконец подняла голову.

— Ещё раз?

Юна посмотрела на прибор и на меня.

— После воды и пяти минут без инструмента.

Мне хотелось возразить. Не из-за пяти минут — из-за необходимости оставить перед собой незаконченную вещь. Обычно я работала до тех пор, пока она не начинала выглядеть так, будто ошибки никогда не было.

Я положила щипцы.

Пока мы отдыхали, Северин разглядывал исправленную пластину.

— Что? — спросила я.

— Вы сохранили обе опоры. Проще было бы заново залить весь участок.

— Тогда край стал бы жёстче. При следующем нагреве повело бы соседнюю дорожку.

— А здесь есть куда расширяться.

Он указал на крошечный зазор у соединения.

— Да.

Северин посмотрел на меня с таким живым интересом, что мне стало трудно продолжать сидеть, сложив руки.

— Хорошо придумано, — сказал он. — Дайте потом размер. Для тонких разделителей мне это пригодится.

Я ощутила короткую, почти детскую радость и тут же рассердилась на себя за неё. Один разумный вопрос — и я уже готова была забыть, как только что прожгла медь.

Но он не говорил, что ошибки не было. Просто увидел ещё и другое.

— Дам, — ответила я. — Только в вашей следующей схеме обозначьте, откуда взялось соединение.

Он поднял брови.

— Разумеется.

— Привычка уточнять.

— Полезная.

Я отвела взгляд к окну. На внутреннем стекле сидела маленькая моль. Она шевелила усиками, тщетно пытаясь понять, почему свет есть, а выхода нет. Я встала и приоткрыла створку.

— Пять минут ещё не прошли, — заметила Юна.

— Я без инструмента.

— Вижу. Только не беритесь за раму.

Моль выбралась наружу. Северин тихо засмеялся. Я вернулась на место, чувствуя себя значительно менее торжественной, чем собиралась выглядеть у независимого эксперта.

Вторую попытку я начала так осторожно, что дальний край сначала едва светился. Прибавила совсем немного. Подождала.

Свет растянулся по дорожке.

Привычка потребовала толкнуть его ещё раз. Я остановила руку, посмотрела на ближнюю точку и дала себе время увидеть, что ничего не гаснет.

Юна молчала.

Черта на камне поднялась на малую долю и замерла.

— Теперь убавьте, — сказала она.

Я убавила. Ровная полоска стала тоньше, но не распалась на отдельные огоньки. Медь у нового стыка не потемнела.

На третьей смене яркости я слишком быстро повела ладонь; свет дрогнул. Пришлось вернуть прежнее положение и повторить медленнее. На этот раз вышло.

Когда я погасила пластину, на белом листе под ней не было ни нового пятна, ни следа перегрева.

Я выдохнула и только тогда поняла, как устала.

— Достаточно, — сказала Юна. — Сегодня большой работы не будет.

— А маленькая?

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Есть что-то конкретное?

— В пансионе плохо держится оконный щит. Пока я только видела, как ходит край. Надо осмотреть соединения.

— Если обычный малый щит, это может подойти. Но сначала я сама посмотрю раму. Самостоятельного патента у вас нет; работаем под моим допуском, с ограниченной нагрузкой и приёмкой. Заказ должен быть оформлен.

Слова «может подойти» не означали ни денег, ни успеха. И всё же я услышала их так ясно, словно Юна открыла ещё одно окно.

Она назначила короткий осмотр пансиона на следующее утро. Вечером я должна была лишь отдохнуть и проверить контрольную черту. Повторять пробу ради уверенности запрещалось.

— Даже один раз? — спросила я прежде, чем успела подумать.

Юна наклонила голову.

— Особенно один раз.

Северин старательно занялся бумагами.

Я убрала в тетрадь обе записи: первую неудачную попытку и последующую. Исправленную пластину Юна разрешила забрать. На керамике возле медной дорожки оставался тёмный след; стереть его без повреждения поверхности было нельзя.

Я завернула образец в белый лист, на котором сохранилась первая прожжённая точка.

***

На улице Северин некоторое время шёл рядом со мной молча. Я тоже молчала: после сосредоточенной работы разговаривать не хотелось.

У развилки он остановился.

— Мне вниз, к Старому спуску.

— А мне к гавани.

Мы оба посмотрели в одну сторону.

— Удобное совпадение, — сказал он.

Я решила не выяснять, была ли это самая короткая дорога к его лавке.

Мы спустились по широкой лестнице к каналу. На этот раз я остановилась только один раз и не стала объяснять, что мне нужно поправить туфлю. Северин прислонился к перилам, ожидая, пока пройдёт тележка с мешками.

— Вы всегда свистите за работой? — спросила я.

— Когда задача позволяет. Иногда полезнее слушать, что трещит.

— Вы в том куплете берёте последнюю ноту ниже, чем нужно.

Он повернул голову.

— Её так поют в порту.

— В порту ещё многое делают неправильно. Например, кладут мокрые сапоги на печь.

— Значит, госпожа Кест отправила вас ко мне исправить сразу всё.

— Пока речь только об одной ноте.

Он насвистел конец куплета. Я повторила его без слов, подняв звук там, где мелодия обычно расправлялась перед паузой.

Северин слушал, глядя на меня. Я замолчала чуть раньше, чем собиралась.

— Так лучше, — признал он.

— Знаю.

Он улыбнулся. Я с удивлением поняла, что сказала это без малейшего желания смягчить ответ.

У Старого спуска мы простились. Северин забрал свои листы и отправился к лавке; я донесла маленький свёрток до пансиона.

Рута встретила меня возле злополучного окна. Ветер трепал бумажную полоску, которую она подложила под край щита, чтобы видеть, где сквозит.

— Ну как?

Я достала пластину.

Рута осторожно взяла её за керамический край.

— Это новое?

— Исправленное.

— Вижу. Здесь темнее.

— Сначала сожгла дорожку, — сказала я. — Потом разобралась и сделала заново. Теперь держится.

Рута посмотрела на меня поверх образца.

— Хорошо. У меня тоже почти всё в доме держится после слова «потом».

Она вернула пластину и поправила бумажку у окна.

Я сказала о завтрашнем осмотре. Рута сразу уточнила, сколько он будет стоить и обязательно ли менять весь щит. Я ответила, что пока не знаю и обещать замену не собираюсь.

Вечером я поставила учебную пластину на стол рядом с тетрадью. Прожжённую точку на бумаге было хорошо видно.

Я оставила её сверху.

Глава 6. Первая подпись

Окно Руты выбрало для примерного поведения ровно тот час, когда его осматривала Юна.

Створка стояла спокойно. Бумажная полоска, приклеенная к краю щита, едва шевелилась. С улицы тянуло прохладным воздухом, но ни одна салфетка не пыталась улететь со стола.

— Вчера оно так не умело, — сказала Рута.

Юна провела иглой вдоль рамы.

— Видимо, готовилось.

Я осмотрела нижний угол. Защитная плёнка была старой, но целой. Зимой Рута закрывала окно и обходилась без неё; теперь в общей зале становилось душно, а при открытых створках каждый сильный порыв шёл прямо на столы. Щит должен был пропускать свежий воздух и гасить удар ветра. Вместо этого край время от времени отпускал раму.

Рута уже получила предложение заменить всю установку. Цену она назвала таким тоном, что я поняла: предложение лежало где-нибудь под тяжёлым предметом и не имело шансов выбраться наружу.

— Можно попробовать при открытой двери во двор? — спросила я.

Она распахнула дверь. Воздух пошёл через общую залу, бумажная полоска натянулась и вдруг хлестнула по стеклу. Нижний край щита дрогнул; створка стукнула о деревянный упор.

— Вот, — сказала Рута с мрачным удовлетворением.

Я коснулась щупом контакта и попросила повторить. Во второй раз было легче уловить короткий провал. Дерево в углу немного повело, соединение сместилось, и нагрузка передавалась с опозданием. Саму плёнку менять не требовалось.

— Здесь можно поправить посадку и заменить короткую дорожку, — сказала я. — Потом согласовать переходы. Вот этот край выдержит, если не заставлять его принимать всё сразу.

Юна проверила точку, которую я показала.

— По мощности подходит. Раму целиком разбирать не будем. Первое включение и приёмка — со мной.

Я посмотрела на Руту.

— Ты хочешь именно починить или переделать щит?

— Я хочу, чтобы гостям не выдувало суп из ложек. Всё остальное зависит от цены.

Мне понадобился лист. Я села за ближайший стол и нарисовала нижний угол, затем весь край рамы. Рука сразу вывела ещё одну линию: можно было перенести крепления, сделать отклик ровнее по всему окну, убрать некрасивую полосу у верхнего переплёта. Если добавить второй небольшой отвод…

Я посмотрела на рисунок.

Обычная починка уже превращалась в работу на полмесяца.

— А вот это зачем? — спросила Рута, указывая на верхнюю линию.

— Чтобы свет ложился ровнее. И крепление меньше бросалось в глаза.

— Оно мне не мешает.

— Можно сделать заодно.

— Можно. Но я не смогу заплатить за всё, что у меня в доме можно сделать.

Я начала было отвечать, что за это денег и не нужно. Слова почти сорвались с языка. Рута дала мне комнату, накормила в первый вечер, не заставила объяснять всё перед постояльцами. Хотелось вернуть ей хоть что-нибудь немедленно — желательно такое, чтобы у неё не осталось повода пожалеть о своей доброте.

Я зачеркнула верхнюю линию.

— Тогда только неисправный участок и настройка. Без новой рамы.

Рута кивнула и придвинула мне чернильницу.

— Вот это уже обсуждаем.

Мы сели считать. Я знала, сколько стоит медная нить и набор слюдяных подкладок. В прежних сметах эти строки никогда не вызывали у меня затруднений. Гораздо труднее оказалось написать цену собственного времени и оставить её на бумаге, когда Рута наклонилась посмотреть.

Юна сразу назвала плату за ограниченный надзор и приёмку этого малого заказа — один серебряный. Материалы из её ремонтного набора стоили два. Всё это следовало включить в общую цену, а не вспоминать после окончания работы.

Я пересчитала ещё раз.

— Двадцать четыре серебряных, со всеми расходами. Восемь авансом, остальное после приёмки.

Рута посмотрела на меня, затем на Юну.

— И когда окно будет работать?

— Первый участок попробуем сегодня. Полностью сдать смогу через четыре дня. Состав должен сесть, потом проверю углы снова и сделаю испытание при разных положениях створок.

— Четыре дня без этого сквозняка?

— Сегодня сможем уменьшить его, если первичная проба пройдёт нормально. Но обещать готовый результат до проверки я не стану.

Рута помолчала, барабаня ногтем по столу. Из кухни позвали за солью; она ответила, где стоит банка, не отрывая взгляда от расчёта.

— Двадцать четыре я могу. Восемь сейчас тоже. Но если начнёшь заодно улучшать весь дом, платить сверху мне будет нечем.

— Не начну.

Я внесла в лист четыре коротких пункта и срок. Рута прочитала их вслух, уточнила, входит ли повторное включение после усадки, и попросила добавить, что старая плёнка остаётся, если выдержит проверку. Если выяснится, что нужна замена, мы должны будем договориться заново.

Я дописала.

Юна достала бланк малого заказа. В нём было место для исполнителя, действующего мастера, под чьим наблюдением велась работа, и заказчика.

— Здесь ваше имя, — сказала она, показывая первую строку.

Я взяла перо.

«Элина Вейр».

Не инициалы на полях чужого чертежа. Целое имя в предназначенном для него месте. Дальше следовали работа, цена и срок — вещи, за которые теперь предстояло отвечать мне.

Я перечитала лист прежде, чем подписать.

Юна вписала себя как наблюдающего мастера. Её допуск делал этот заказ допустимым для меня сейчас; самостоятельного патента он не давал. После приёмки экземпляр с нашими именами должен был остаться в учёте малых работ Гильдии.

Рута поставила подпись последней, потом пошла за кассовой книгой.

Я смотрела на сохнущие чернила.

— Вы не передумали? — спросила Юна.

— Нет. Просто ещё ни разу не подписывала такой заказ со своей стороны.

Она закрыла чернильницу.

— Смета понятная. Теперь посмотрим работу.

Рута принесла восемь серебряных. Они звякнули о стол совсем иначе, чем мои вчерашние шесть, хотя монеты были те же — с профилем давно умершего правителя и плохо различимыми буквами по краю.

Я отсчитала два Юне за материалы. Плату за надзор мы включили в окончательный расчёт после приёмки. В моём кошельке стало девять серебряных и оставшаяся медь. Шесть из этих серебряных уже предназначались за три следующие ночи, три — Северину к условленному дню. Окончательная оплата заказа ещё не была заработана.

Я убрала кошелёк и взяла щипцы.

***

Северин появился, когда я уже разложила инструменты. Принёс чистовой расчёт вчерашней пробы и оставил его рядом с моей тетрадью.

— У Тарр сказали, что вы здесь, — объяснил он. — Я успел проверить задержку по двум записям.

Юна просмотрела лист и кивнула. Работа вчерашнего приёма была сведена на одну страницу, без зачёркнутых чисел. Мне захотелось немедленно спрятать её в тетрадь, чтобы не поставить на неё чашку или тарелку с завтраком.

Северин посмотрел на оконную раму.

— Уже заказ?

— Уже с подписью.

Он улыбнулся, и я почувствовала почти то же, что вчера возле отремонтированной пластины: удовольствие, с которым хотелось быть осторожнее.

— Могу задержаться на полчаса, если не помешаю, — сказал он.

Я подвинула сумку с соседнего стула.

— Садитесь. Только берегите рукав, здесь состав.

— Господин Роан, — сказала Юна, — если остаётесь, придержите экран. Без дополнительной нагрузки.

— Я ещё ничего не предложил.

— Поэтому и предупреждаю вовремя.

Он поднёс к столу лёгкую защитную рамку. Мне оставалось открыто только то соединение, над которым предстояло работать. Остальной щит Юна перевела в спокойный режим, и бумажная полоска у рамы перестала метаться.

Я сняла старую накладку.

Медь под ней потемнела от сырости. Один из винтов сидел с перекосом, но резьба сохранилась. Не требовалось ломать всё, чтобы добраться до плохого участка; это уже было хорошим началом.

Северин придерживал рамку, пока я совмещала опору с меткой. Его пальцы оказались совсем рядом с моими, по другую сторону тонкой перегородки. Я заметила светлый след на безымянном пальце — не от кольца, а короткую старую полоску пореза — и рассердилась на себя за ненужное внимание.

Стоило смотреть на зазор.

Я посмотрела на зазор. Он действительно был важнее.

— Левый край на волос ниже, — сказала я.

Северин чуть опустил руку.

— Так?

— Ещё немного. Да.

Мы замерли в неудобном положении: я нагнулась над подоконником, он держал экран на вытянутой руке, Юна следила за выключенной частью щита. Со стороны это, вероятно, выглядело торжественным обрядом. На деле у меня чесался нос, а у Северина сползала манжета.

— Если я чихну, — сказала я, — вы всё уроните?

— Теперь могу и без чиха.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться, и закончила подгонку.

Юна разрешила закрепить опору. Я затянула винт и только тогда отступила. Северин поставил экран на держатель, с явным облегчением расправив плечо.

— Благодарю, — сказала я.

— Рад быть полезным всем локтем.

Юна проверила получившийся стык. Подала мне короткий конец новой нити, и я уложила её по очищенной дорожке.

До первого включения прошло ещё почти полчаса. Я проверяла зазоры, убирала лишний состав, ждала, пока он схватится настолько, чтобы проба не сдвинула соединение. Северин перестал смотреть на время и сел возле стола, рисуя крепление, о котором мы говорили вчера. Несколько раз задавал короткие вопросы; я отвечала, не поднимая головы.

Когда сухая поверхность наконец перестала тянуться за иглой, Юна проверила камень на моём кольце.

— Можно начать. Самое малое.

Я подала силу.

Защитная плёнка дрогнула и натянулась у нового крепления. Хотелось сразу довести световую кромку до дальнего угла, чтобы всё стало ровным и красивым.

Я оставила её там, где она держалась спокойно.

Юна следила за показаниями, а я — за короткой складкой на плёнке. При каждом новом подхвате она собиралась в одном и том же месте. Силы хватало; мешало то, как быстро сменялись участки.

Я дождалась, пока прежний импульс уйдёт с угла, и только потом направила следующий. Между ними оставила короткую паузу — пустой такт. Знакомый приём: слюда ещё удерживала остаток, а новое усилие не налетало на него прежде времени.

Складка расправилась.

Я повторила переход. Не быстрее и не сильнее.

Бумажная полоска поднялась от рамы, описала мягкую дугу и опустилась. В зале по-прежнему чувствовался свежий воздух, но салфетка на ближайшем столе осталась на месте.

— Элина, ещё раз в том же ритме, — сказал Северин.

Он впервые назвал меня по имени. Всего лишь следил за работой, а я чуть не пропустила нужный момент.

Выдержала паузу и повторила.

Юна отметила показание.

— Хватит. Теперь без вашей подачи.

Она перевела отлаженный участок на малый штатный накопитель самого окна. Я убрала руки. Защитная плёнка продолжала держаться.

Рута открыла дверь во двор. Ветер прошёл через залу, качнул бумажку у рамы, поднял край занавески. Упор больше не стучал.

— Пока только одна створка, — предупредила Юна. — Полностью распахивать будем на итоговой проверке. Соединение ещё должно досохнуть.

Рута осторожно вытащила клинышек из-под рамы.

Он был затёртым, с вмятиной посередине. Она покрутила его в пальцах и положила на подоконник.

— Выбрасывать пока не стану, — сказала она.

— И правильно, — ответила я.

Из кухни принесли поднос. Один из постояльцев устроился у окна, взял ложку, подозрительно посмотрел на её содержимое и только после этого начал есть.

Мне хотелось спросить, нравится ли ему. Я вовремя вспомнила, что он пришёл завтракать, а работу предстояло принять Руте и Юне.

Северин наклонился к моему рисунку.

— Вы не усилили подхват. Просто дали предыдущему закончиться.

— Если прибавить, щит будет жёстче. Ветер его дёрнет — и нагрузка опять пойдёт в плохой угол. Рама-то старая.

— А с паузой край успевает принять её ровно.

Он постучал карандашом возле пустого промежутка между отметками.

— Вот это я и хотел увидеть ещё раз.

Я посмотрела на лист, потом на окно. Хотелось продолжить: чуть поправить верх, проверить левую сторону, довести всё до такой гладкости, чтобы Рута перестала хранить свой деревянный клин.

Юна убрала измеритель с моего кольца.

— На сегодня с живой нагрузкой закончено.

— Я могу только верхний…

И остановилась.

Новый стык ещё не просох. А верхняя часть в заказе не требовала переделки. А у меня начинали ныть предплечья: я слишком долго держала руки перед собой.

— Закончили, — согласилась я. — Сейчас запишу, что осталось проверить.

Юна поставила дату на листе первого включения. На окончательный акт он не походил: внизу оставались пустые строки для проверки обеих створок, повторной нагрузки и осмотра стыков после усадки.

Следующий большой запуск мы назначили через четыре дня, в срок сдачи. До него я могла осматривать раму, отмечать изменения и проверять бумажную полоску в оставленном малом режиме. Перестраивать работающий щит без Юны не следовало.

Рута забрала свой экземпляр заказа и расписку об авансе. Мы отдельно сверили комнату: первый расчёт закрыт, за следующие три ночи мне предстояло внести шесть серебряных утром через два дня. Аванс за работу не превращался в уже оплаченное жильё, пока я сама не передала деньги.

— Я помню, — сказала я.

— Я тоже. Но в книге лучше, чем в памяти.

Рута убрала бумаги и принесла чайник.

Юна выпила полчашки стоя — её ждали в Палате, — ещё раз посмотрела на контрольную черту моего накопителя и ушла. Перед уходом взяла экземпляр заказа для учёта.

Я осталась за столом, собирая инструменты. Северин сидел напротив и подписывал свой чертёж. У крепления, которое я показала вчера, появилось короткое «Э. Вейр».

Я заметила это раньше, чем он перевернул лист.

— У вас ещё дела? — спросила я.

— Заказчик придёт к полудню. Теперь придётся идти быстро.

Он взглянул на окно.

— Стоило задержаться.

Я не стала выяснять, имел ли он в виду переход между нагрузками. Слишком легко было испортить простой ответ уточняющим вопросом.

Северин обвёл чашку ладонями, потом отпустил и посмотрел на меня. Его взгляд задержался чуть дольше, чем требовалось для разговора о щите.

Я почувствовала это с такой ясностью, что захотелось проверить, не осталось ли у меня на лице пятна состава.

— Спасибо за рамку, — сказала я.

— Локоть передаст благодарность остальному телу, когда перестанет возмущаться.

Я рассмеялась.

Он допил чай и встал. У двери столкнулся с постояльцем, который нёс свои сапоги мимо печи, но оба сумели разойтись без ущерба. Рута проводила их взглядом и удовлетворённо кивнула: хотя бы одна воспитательная мера в этом доме уже действовала без сбоев.

— Хороший помощник, — сказала она, вернувшись к столу.

Я слишком быстро потянулась за свёртком с инструментами.

— Он консультант.

— Я про то, что экран не уронил. А ты про что?

Я посмотрела на неё. Рута улыбалась совершенно невинно.

— Про работу, — ответила я.

— Разумеется. У нас здесь все исключительно работают.

Она унесла чайник, оставив меня приводить стол в порядок.

***

После обеда я прошла вдоль окна ещё раз. Плёнка держалась ровно, но край у новой посадки был пока мягким. Я записала это и убрала иглу. Проверить не означало немедленно начать подправлять.

В комнате лежал вчерашний учебный образец. Я поставила рядом с ним свой экземпляр заказа, прижав угол бумажной обёрткой.

Подпись выглядела обыкновенно. Та же фамилия, которую я три дня назад вписывала в заявление о разводе, та же неровная последняя буква, если перо подходило к краю листа. Только теперь рядом с ней стояла работа, которую заказали мне.

Я пересчитала деньги и отложила шесть серебряных за комнату в отдельный узелок. Остальные три оставила в кошельке. От этой маленькой меры богатства не прибавилось, зато вечером я не могла бы случайно принять все девять за свободные деньги.

Адель прислала записку перед ужином. На завтра подтверждалась опись в доме Вейров. Она просила составить список личных вещей и рабочих материалов, которые я хотела получить, и напоминала взять документ о проживании в пансионе.

Я села за стол.

Первым пунктом написала: «Семь рабочих тетрадей».

Потом уточнила обложки, размер, места на полках. У самой толстой тетради край переплёта был потёрт возле застёжки; внутри лежали листья, которыми я отмечала важные страницы.

Я хорошо помнила их все.

Из общей залы донёсся смех. Ветер тронул окно моей комнаты, шевельнул занавеску. Здесь щит работал исправно, и я впервые за день позволила себе не искать, что можно улучшить.

Завтра предстояло вернуться в дом Ардена.

Я положила список рядом с заказом Руты. Обе бумаги были подписаны моей рукой.

Глава 7. Опись прежней жизни

Рута поставила печать на моём новом адресе так решительно, будто опасалась, что он сбежит с бумаги.

— С вечера первого дня проживаешь в комнате наверху, — прочитала она, держа лист за сухие края. — За первые три ночи рассчиталась. За следующие договорились отдельно. Всё верно?

— Верно.

— Значит, нечего смотреть на меня, как на строгого регистратора. Я всего лишь хозяйка с хорошими чернилами.

Она повернула лист, проверила оттиск у окна и подула на него. Я пришла за справкой сразу после завтрака. Вчера вечером составленный список лежал в моей сумке; ночью я дважды доставала его, чтобы добавить вещи, о которых не стоило забывать. За оба раза не прибавилось ничего важного. Зато я успела вспомнить, на какой полке лежали запасные иглы, кому в последний раз отдавала серый переплёт и сколько зимой стоили новые чехлы для чертежей.

— Ты возьмёшь с собой всю эту сумку? — спросила Рута.

— Там бумаги.

— Я вижу. И ещё какие-то железные углы.

— Это щуп.

— Приятно знать, что у него есть имя. Если вернёшься с семью тетрадями, железу придётся уступить место.

На подоконнике общей залы лежал тот самый деревянный клинышек. Первую створку уже можно было оставлять приоткрытой в малом режиме, но Рута велела никому не трогать вторую до окончательной приёмки. Кто-то из постояльцев привязал к ручке красную нитку. Я с минуту смотрела, как она дрожит от движения воздуха. Новый стык держался, и всё же мне захотелось пригнуться, проверить его снаружи, найти причину возможного будущего сбоя.

Я не стала. Сегодня у меня было другое дело.

— Буду к вечеру, — сказала я.

Рута сняла с крючка плотную полотняную сумку с широкими ручками.

— Для книг. Вернёшь завтра. Дно крепкое, в прошлом месяце я носила в ней картошку.

Я представила семь тетрадей рядом с картофелем и неожиданно улыбнулась.

— Постараюсь не перепутать назначения.

— Картошку можно сварить, — заметила Рута. — С бумагами сложнее.

Я уложила в сумку справку о проживании, список, синюю тетрадь и документы Палаты. Синяя была со мной с вечера ухода и не входила в семь возвращаемых сегодня тетрадей; её рисунок и оборот с переписанным наружным перечнем Юна уже отдельно зафиксировала. Свидетельство о браке осталось в футляре: его уже показывала Адель, и для сегодняшней описи хватало личной записи и распоряжения. Ничего лишнего не хотелось оставлять в доме, из которого я ушла.

На лестнице я задержалась, чтобы проверить молочный камень на кольце. Контрольная черта стояла там, где ей полагалось. Передачи Ардену не было с третьего дня. От этого я всё ещё испытывала осторожное, почти суеверное облегчение, словно хорошее известие можно было спугнуть невнимательным движением. Но вчерашняя слабость не прошла. На полпути к площади Семи фонарей пришлось замедлить шаг.

Я дошла сама.

***

Адель ждала у входа в Палату с двумя папками, одну из которых протянула мне.

— Список принесли?

Я показала лист.

— Семь тетрадей. И вещи, которые остались в шкафу возле моего стола. Некоторые могут быть спорными.

— Именно поэтому мы их опишем, а не будем складывать всё подряд. Подтверждение проживания?

— Здесь.

Она быстро прочитала справку, вложила её в папку и оставила мне копию. У Адель были удивительно привычные руки: она могла перелистывать документы на ветру, не теряя ни одного угла. Мои же руки от холода немного дрожали, и я спрятала их в складках плаща.

— Если Арден откажется передавать тетради? — спросила я.

— Распоряжение Палаты касается именно вашего рабочего архива. Он вправе заявить возражение о содержимом, и мы внесём его в опись. Самовольно задержать всё только потому, что ему не нравится заявление о разводе, он не вправе.

— А если скажет, что я придумала записи вчера?

— Сегодня мы не устанавливаем авторство галереи и маяка. Мы установим, откуда взяты тетради, кому они выданы, в каком состоянии и какие страницы спорны. Остальное — отдельное доказательство.

Мне хотелось, чтобы всё можно было решить одним посещением. Забрать записи, показать чертежи и услышать: «Да, теперь всем ясно». Вместо этого у каждого действия оказывалась собственная дата, собственный свидетель и собственная причина, по которой оно не решало соседнюю задачу.

— Понимаю, — сказала я.

Адель покосилась на мой слишком плотный список.

— Не обязаны этому радоваться.

К нам подошёл уполномоченный хранитель Палаты — тот же невысокий мужчина, который сопровождал Юну при осмотре. Сегодня вместо толстой папки у него был плоский ящик с бирками, полосками сургучной бумаги и двумя чистыми журналами.

— Начнём с личных вещей, — сообщил он. — Затем рабочие тетради. Если потребуется вскрыть опечатанный архивный шкаф, сделаем это в присутствии сторон, обозначим вынутое и опечатаем оставшееся снова. Шкаф с брачным узлом не трогаем.

— Я помню, — ответила я.

Он посмотрел на меня поверх журнала.

— Это я говорил всем троим.

Я поняла, что удерживала дыхание, и выдохнула.

Дорога наверх была знакома слишком хорошо. У ворот дома всё ещё стояли каменные чаши с цветами, выбранными мной для поздней весны. Одна из них нуждалась в воде. Я заметила это прежде, чем увидела человека за воротами, и от такого порядка собственных мыслей стало досадно.

Нельзя было перестать знать, где в доме пересыхают цветы.

Слуга открыл сразу. Он посмотрел на мою сумку, потом на Адель и хранителя.

— Господин Вейр ожидает в рабочей комнате.

Я не спросила, кто велел ему произнести именно это. Просто вошла.

В холле пахло свежей полировкой. На подносе у лестницы лежали ключи для гостей; я сама когда-то попросила сделать для них маленькие бирки, чтобы не путать комнаты во время приёмов. Одна бирка перевернулась надписью вниз. Рука потянулась поправить — я остановила её на половине движения.

Адель, кажется, заметила, но ничего не сказала.

Арден стоял возле моего прежнего стола. На нём не было ни одного листа. Оставили только маленькую чашку с винтами и потемневшее стеклянное блюдце.

— Элина, — сказал он.

От этого голоса сердце сжалось знакомо и болезненно. Я видела его после осмотра, слышала, как он спорил с Юной. Но сегодня рядом не было ни работающей модели, ни вынужденного вмешательства в магический поток. Только комната, в которой мы провели немало хороших дней.

— Мы пришли за описью, — ответила я.

— Вижу.

Он поприветствовал Адель и хранителя очень вежливо. Тот разложил журнал и предъявил распоряжение. Арден прочёл его до конца, задержавшись на перечне рабочих материалов.

— Семь тетрадей? — спросил он. — Это семейные разработки.

— Семь тетрадей, составленных вашей супругой, — уточнила Адель. — Их выдача не решает вопрос о принадлежности каждого технического решения. Ваше возражение будет отмечено.

— Супругой, — повторил Арден. — Пока ещё.

Я почувствовала, как у меня горячее становятся уши. Он произнёс это не громче обычного. Именно таким голосом поправлял гостей, когда те ошибались в имени драконьего родственника.

— Пока, — сказала я. — Поэтому и пришла с распоряжением.

Хранитель приступил к работе, не поддержав разговора. Мы начали со шкафа у моего стола: два плоских футляра с инструментами, коробка с зажимами, набор опорных игл с моими ученическими метками. Инструменты осмотрели, записали и передали мне. Один футляр оказался пустым. Я вспомнила, что оставляла инструменты из него у окна после испытания, и нашла их на нижней полке рядом с чертёжными досками.

Пальцы двигались сами. Поднимали, узнавали тяжесть, укладывали в сумку. Только когда я коснулась маленьких медных щипцов с потёртыми ручками, пришлось остановиться.

Арден подарил их в первый год нашего брака. Я тогда обожгла палец о грубо зажатую дорожку и весь вечер ворчала, что плохими инструментами невозможно сделать хорошую работу. Утром он принёс щипцы с узкими губками и сел рядом, пока я проверяла их на обрезках меди. Мы смеялись над тем, как серьёзно выглядели две взрослые персоны, занятые одной крохотной пружинкой.

— Ты ими до сих пор пользуешься, — сказал Арден, заметив мой взгляд.

— Да.

— Я помню, как ты не отпускала их из рук до ночи.

Я тоже помнила. И не хотела, чтобы это воспоминание отняли вместе с правом на сделанную работу.

— Они хорошие, — сказала я и положила их в футляр.

Арден подошёл ближе.

— Нам нужно поговорить.

Адель подняла голову от журнала.

— Вы можете разговаривать в нашем присутствии. Личные переговоры сегодня не входят в процедуру.

— Я обращаюсь к жене, госпожа Кест.

Я застегнула футляр. Крошечная металлическая защёлка щёлкнула слишком громко.

— А я пришла за своими вещами.

— Двадцать минут, Элина. Без этих людей. Я не стану спорить об описи.

Меня на мгновение потянуло согласиться. Мы столько лет принимали важные решения за закрытой дверью, а потом выходили к другим уже с готовым ответом. В этом было удобство, которое трудно признать опасным: тебе не нужно при свидетелях произносить то, чего ещё сама не понимаешь.

— Нет, — сказала я. — Ты можешь написать мне через Адель. Или сказать сейчас.

Он посмотрел на хранителя. Тот продолжал делать пометы, как будто разница между личной беседой и описью прекрасно его устраивала.

— Значит, теперь все наши слова будут записывать?

— Только те, что касаются процедуры, — отозвался хранитель, не поднимая головы.

Я едва не улыбнулась. Арден тоже услышал сухость ответа, и на лице у него обозначилась усталость. Не театральная, обычная: морщинки у глаз, тень от плохо проведённой ночи. Мне захотелось спросить, спал ли он. Вопрос уже был на языке, и от этого стало особенно горько.

Я не спросила.

***

Архивный шкаф стоял в глубине комнаты. На нём всё ещё была охранная лента Палаты, наложенная три дня назад, а на соседнем, высоком шкафу за бронзовой сеткой горел прежний янтарный свет. Именно там находился главный брачный узел.

Хранитель подошёл к обоим, сверил метки и показал их нам по очереди.

— На узле печать цела. Ключ к нему не нужен и доступа сегодня не будет. На архиве печать цела. Здесь по распоряжению допустима выборочная выдача указанных рабочих материалов.

Арден сжал ключи в ладони. Я помнила тяжесть той связки. Однажды он оставил её у окна, а я носила по всему дому, потому что боялась забыть вернуть. Теперь хранитель принял ключ под запись, снял с архивного шкафа ленту и вскрыл его при нас. Состояние старой печати он отметил отдельно. После процедуры доступ должен был снова закрыться.

На средней полке стояли коробки с рабочими журналами Ардена, ниже лежали заказы и копии писем. Семь моих тетрадей обнаружились там, где я их оставляла: в узком отделении справа, одна за другой. Две коричневые, две серые, зелёная, красная и чёрная. У самой толстой серой крышка плохо закрывалась возле застёжки; из неё выглядывал сухой лист.

Я протянула руку и задержала её в воздухе.

— Можно?

Хранитель кивнул.

— По одной, для сверки с перечнем. Ничего не вырывать и не переставлять страниц.

Я подняла первую коричневую. На форзаце значилось моё имя и дата начала работы. На следующем листе — перечень материалов, как меня когда-то учили: сколько меди, какой толщины слюда, у кого получены замеры. Под пальцем нашлось пятнышко воска. Тогда я пролила его на угол и долго пыталась отскоблить так, чтобы не повредить чертёж.

Арден остановился по другую сторону стола.

— Ты говоришь о них как о личных дневниках. Эти записи сделаны в нашем доме, для моих заказов.

— Для заказов, которые я помогала выполнять, — ответила я.

— Тебе дали материалы, помещение, заказчиков. Кто бы пришёл к ученице без патента?

Вопрос оказался неприятно точным. Шесть лет назад в Стеклянную галерею действительно пригласили Ардена. Не меня. Мне дали рабочее место у дальнего окна, где удобно было подводить жилы к стеклянным секциям. Без его имени я, возможно, не попала бы в ту комнату.

— Ты привёл заказ, — сказала я. — Это не значит, что ты придумал каждый стык.

— Я никогда так не говорил.

Я вспомнила, как он представлял галерею гостям: «Я изменил переход, чтобы витраж не выбивало при восточном ветре». Он не упоминал, кто сидел за дальним окном с обожжёнными пальцами.

— На приёмах говорил, — ответила я.

Арден развернул ладони.

— Мы были одной семьёй. Я считал, что говорю от обоих.

— А когда я просила указать меня на рабочих листах?

Он не ответил сразу. Я услышала, как рядом хранитель прошуршал бумажной биркой.

— Я думал, ты понимаешь, чем рискуем, — произнёс наконец Арден. — У тебя не было отдельного допуска. Ошибка в документах могла погубить весь заказ.

— Поэтому ты не написал моё имя даже рядом с чертежом, который я исправляла?

— Я берег общий результат.

Я опустила глаза на тетрадь. Вот оно — объяснение, которое столько лет казалось мне разумным. Его имя охраняет, моё может повредить. Мне оставалось благодарить за саму возможность быть полезной.

— Тогда зачем мне вообще было вести эти записи? — спросила я.

— Ты любила работу.

— Любила. И сейчас люблю.

Я не стала добавлять: поэтому ты не получишь её вместе со мной. Слова были верными, но нуждались не в громкости, а в том, чтобы я закончила опись.

Хранитель попросил открыть красную тетрадь. На трёх листах в середине были вклеены полоски с пробами разных стеклянных соединений. Рядом — мой почерк, исправления к одной и той же схеме, даты испытаний.

— Заказчик обозначен? — спросил он.

— Стеклянная галерея. Старый восточный пролёт. Здесь номер передачи материалов.

— Дату внесу. Спор об авторстве — отдельно.

Он не выглядел впечатлённым. Пожалуй, я начинала ценить это качество.

Дальше шла толстая серая тетрадь. Сухой лист между страницами оказался листком морской травы, который я привезла с Белой косы четыре года назад. Арден в тот день ждал меня у причала с тёплым чаем. На пристани было так холодно, что чашку приходилось держать через рукав. Он стоял, пригнув голову от ветра, и улыбался, когда увидел меня с целой стопкой чужих измерений.

Я помнила, что тогда радовалась его появлению. Ни один сегодняшний документ не менял этого.

На странице под травой была схема переходов маяка: несколько последовательных коротких нагрузок и помеченная мною пауза между ними. Я когда-то сердито подписала сбоку: «Не торопить второй ход». Надпись показалась удивительно похожей на вчерашнюю работу у Руты.

— Эту страницу тоже отметьте, — попросила я хранителя. — Пожалуйста, с положением листа и датой.

Он сделал помету и вложил между соседними страницами прозрачный разделитель, не вынимая траву. Адель тихо спросила, зачем нужна именно эта страница.

— Здесь есть способ, который мы использовали на маяке. Я хочу потом сравнить его с архивной записью самого маяка. Пока это только моя запись.

Адель кивнула. Мне понравилось, что она не предложила немедленно сделать из одного листа победу.

Последняя чёрная тетрадь содержала расчёты нового проекта регуляторов гавани. Я открыла страницу, на которой когда-то перечеркнула длинный переход и предложила два более коротких с промежутком. Возле записи стояла дата передачи пакета в контору заказчика.

Арден заметил, на чём остановился мой взгляд.

— Эти регуляторы ещё даже не изготовлены. Нельзя требовать авторства того, что существует только на бумаге.

— Я и не требую авторства готового прибора, — сказала я. — Только своего решения в том, что уже передано.

— Если оно принято.

— Вот это и нужно узнать у заказчика.

Впервые за всё утро я не чувствовала, что должна выиграть разговор с мужем. Мне требовалось довести дело до конца и забрать записи. Какому из нас принадлежат слова на чужом приёме, опись не решит.

Хранитель сверил последнюю обложку с перечнем. Семь названий, семь начальных дат, заметки об обнаруженных следах пользования. Он снял контрольные оттиски с форзацев и оговорённых страниц для дела Палаты. Адель проверила, что листы о галерее, маяке и новом проекте отмечены с точностью до номера. Арден продиктовал возражение о семейном характере работ; в журнале его записали без согласия с ним.

После этого тетради передали мне поимённо, каждый том под отдельной бумажной полосой с номером описи. Оригиналы оставались у меня на ответственном хранении для предстоящего спора; вырывать или заменять листы было нельзя, а затребованные для проверки страницы следовало предоставлять. Мне выдали экземпляр журнала со всеми отметками, Ардену — второй. Копии спорных страниц и контрольные оттиски отправлялись в Палату.

Хранитель ещё раз пересчитал оставшееся в архиве, вернул ключ Ардену и наложил новую официальную ленту на дверцу. Отдельная печать на главном узле осталась нетронутой.

Я наблюдала, как застывает свежий оттиск. Этот шкаф уже не был моей обычной рабочей полкой. Но и бесконечно открытой кладовой чужих объяснений он больше не оставался.

***

Когда вещи были уложены, Арден попросил дать ему слово ещё раз.

— Не по процедуре, — сказал он. — Просто тебе.

Я стояла рядом с полотняной сумкой. Тетради оказались тяжелее, чем помнила. За последнее время я научилась замечать вес ещё до того, как плечо начинало болеть.

— Говори, — ответила я.

— Я помню, как ты приезжала сюда в первый год, — начал он. — Как говорила, что хочешь научиться работать с большими узлами. Я не заставлял тебя сидеть за столом ночами.

— Нет.

— Ты оставалась сама. Мы оба жили этой работой. Неужели ты теперь собираешься представить всё как годы принуждения?

Я посмотрела на медные щипцы, лежавшие поверх свёртка. Мне хотелось сказать, что хороший подарок не превращает человека в хорошего мужа навсегда. Но он был хорошим мужем в некоторые дни. Был внимательным, смешным, иногда терпеливым. И даже после найденного обмана это не исчезло из моей памяти.

— Я не говорю, что ничего хорошего не было, Арден.

Он поднял голову, будто впервые услышал меня по-настоящему.

— Тогда нам есть от чего начать заново.

— Нет. Я говорю, что хорошее было. И что ты всё равно брал мою силу, когда я думала, что она у меня просто слабая. Я попросила независимый осмотр. Ты отказался. После этого мы уже не могли начинать с прежнего места.

— Я хотел нас защитить от позора.

— Я хотела знать правду о себе.

За окном раздался стук колёс. Мимо ворот проехала телега с пустыми корзинами; их края гремели друг о друга. Этот звук почему-то вернул меня из разговора к настоящему утру.

Арден сделал шаг.

— Хотя бы останься на обед. Тебе тяжело нести всё это одной.

Я посмотрела на Адель и хранителя. Оба стояли у двери; никто не собирался принимать решение за меня.

— Обедать я буду у Руты, — сказала я. — А сумки донесём.

— Ты уже называешь её дом домом?

Я подумала о маленьком окне, о миске с горохом, о подписи под заказом, лежавшей в комнате. И о том, что там платили за жильё и просили справку, но никто не называл мою работу частью собственной жизни.

— Пока я там живу, — ответила я. — Этого достаточно.

Я вышла первой.

На ступенях пришлось остановиться, чтобы перехватить сумку. Адель взяла самый тяжёлый свёрток, не дожидаясь, пока я попрошу. На мгновение мне захотелось отказаться, будто помощь сделает мой уход менее настоящим.

— Возьмите, — сказала я вместо этого, протягивая ей ещё один том. — Иначе до моста я буду добираться до темноты.

— Разумный расчёт, — заметила она.

Мы пошли вниз по лестницам к площади Семи фонарей. За моей спиной остался дом, в котором я умела находить вещи с закрытыми глазами. Я не стала проверять, смотрит ли Арден из окна.

В приёмной Адель мы переложили тетради, сверили журнал и отдельно записали номера трёх страниц, с которых нужно начать. Адель предложила отправить в галерею запрос об осмотре старых журналов. Я остановила её на слове «запрос».

— Сначала я хочу поговорить с директором, — сказала я. — Шесть лет назад он просил нас не менять восточный пролёт без согласования с ними. Он бережёт собственные архивы. Если прийти и сразу потребовать бумаги против Ардена, он решит, что мы втягиваем галерею в семейный спор.

— У вас есть возможность попасть к нему?

— Завтра вечером в галерее открытое собрание благотворителей и мастеров. Я получала приглашения много лет. Записи гостей там хранят особенно аккуратно, потому что каждый считает себя более важным, чем сосед.

Адель посмотрела на меня поверх очков.

— Вы хотите идти как жена Вейра?

— Нет. Как человек, который работал с их старым щитом. Я расскажу, что именно прошу проверить. Если он согласится, вы оформите доступ.

— А если не согласится?

— Тогда мы подадим официальный запрос, и у нас будет ещё одно ожидание. Но сначала можно попробовать проще.

Адель закрыла папку.

— Хорошо. В этом разговоре я на вас полагаюсь.

У дверей я вспомнила о Северине. Он мог бы помочь выбрать, какие данные понадобятся Юне, но звать его вести переговоры не хотелось.

— Я сообщу ему о завтрашней встрече, — сказала я. — Если придёт, пусть знает, что это не слушание и не обвинение.

— Особенно второе, — ответила Адель.

***

К вечеру в комнате пансиона на столе лежали восемь тетрадей. Семь возвращённых, каждая с бумажной полосой описи, и моя синяя, которую я унесла в первый вечер. Сумка Руты стояла у двери, пустая; в ней остался слабый запах сушёных яблок или картофеля, я так и не разобрала.

Я раскрыла красную тетрадь на странице восточного пролёта. Там был мой рисунок, но рядом не хватало чужого подтверждения: кто попросил переделать соединение, когда и какую именно проблему оно решало. Старые измерения могли показать, чья сила шла через вход. Письма и журнал заказчика — что я предложила сделать с этой силой.

Они отвечали на разные вопросы. Теперь я хотя бы знала, какие именно нужно задать.

Рута заглянула с подносом, увидела на столе бумажные полоски и нахмурилась.

— Их нельзя трогать?

— Листы нельзя переставлять. Читать можно. Осторожно.

— Тогда тебе нужна полка. У меня в кладовой есть доска, завтра попрошу прикрепить.

— Рута, не надо столько хлопот.

— Мне надо, чтобы ты не раскладывала свои книги на полу. Я ночью захожу проверить трубу и не хочу наступить на историю вашего семейного ремесла.

Я уступила. Она поставила чашку и ушла.

Снаружи послышались голоса, за ними смех. Я закрыла тетрадь. Ладони ныли от тяжёлой сумки, но привычного опустошения после рабочего дня не было. Я устала от дороги и разговора, а не от невидимой траты, которую кто-то считал естественной.

В синей тетради я написала: «День шестой. Семь рабочих томов получены по описи. Восточный пролёт — проверить у заказчика отдельно».

Затем прибавила не для Палаты, а для себя: «Медные щипцы — мои».

Глава 8. Несколько лишних тактов

Рута приняла у меня шесть серебряных за ночи с четвёртой по шестую, отодвинула с монет чужую пуговицу и отметила расчёт в книге.

— Пуговицы за муку не принимают, — пожаловалась она и подняла глаза.

— На сколько хочешь остаться дальше?

В кошельке оставались три монеты для Северина. За окно обещали доплатить только после приёмки, и я не хотела торопить испытания ради платы за комнату.

— Ещё три ночи, с седьмой по девятую, — сказала я. — По той же цене, если тебе подходит. Рассчитаюсь утром десятого дня. Приёмка окна назначена на девятый. Если будет задержка, я скажу тебе сразу, не после срока.

Рута отложила перо.

— Мне подходит три ночи. Утром десятого либо расчёт, либо честный разговор о том, куда ты переезжаешь. Я не могу обещать следующую отсрочку заранее.

— Знаю.

— И не вздумай из-за этого торопить окно. Нужен щит, который не выбросит посетителей вместе с супом.

Я улыбнулась.

Рута записала ночи с седьмой по девятую и долг в шесть серебряных к утру десятого. Я расписалась, а она уже тянулась за хлебом.

— А теперь ешь, — приказала Рута. — Ты весь день собираешься вести светские беседы. На них люди тратят больше сил, чем на лестницы.

— Светские беседы у меня были частью работы.

— Тем более. Значит, знаешь, как вредно делать их голодной.

Она положила мне на тарелку горячий хлеб. Я поела, пока в общей зале спорили о погоде. Затем сходила наверх и раскрыла оба платья на кровати.

Тёмно-зелёное выдержало Палату, мастерские, мокрые улицы и две ночи, когда я засыпала, не успев его аккуратно сложить. Я почистила подол, но ткань оставалась простой. Светлое я привезла из дома потому, что в нём себе нравилась. До этой минуты оно висело в шкафу, словно для него не было подходящего дня.

Я достала его.

На лифе не хватало маленькой жемчужной пуговицы. Рута нашла у себя похожую, только чуть более матовую. Мы обе склонились над швом, пока она объясняла, что при вечерних лампах разницы никто не заметит.

— А если заметят? — спросила я.

— Значит, у них слишком много свободного времени.

Она дала мне нитку, но пришила пуговицу сама: моя рука после вчерашней переноски тетрадей ещё уставала от мелкой работы. Я не стала спорить и в ответ починила расшатавшийся крючок на её кухонном полотенце. На это у меня хватало и сил, и умения; денег за такую работу никто не требовал.

К полудню пришло письмо от Адель. Она подтвердила, что запрос на осмотр галереи пока не отправлен: мы договорились сначала обратиться к директору. Для официального копирования нужны его письменный допуск, указание места хранения журналов и присутствие Юны. Адель приложила чистую форму, куда можно было внести предмет проверки после разговора.

Северину я отправила записку ещё утром: «Буду в Стеклянной галерее к вечеру. Прошу прийти, если можете. Не начинайте с обвинений. Элина Вейр». На обороте приписала место, где удобнее встретиться, — у западной лестницы, под часами.

Когда записка ушла, я пожалела о последней фразе. Она звучала как приказ человеку, который и без того знал цену поспешным обвинениям.

Потом вспомнила, как он знал эту цену и всё же порой торопился. Я оставила записку такой, какой отправила.

***

Стеклянная галерея начиналась раньше, чем можно было увидеть её вход: над улицей светлела огромная крыша из прозрачных арок, и на соседних стенах лежали бледные цветные полосы. В ясную погоду они доходили до площади; сегодня туман ушёл только после полудня, поэтому зелёные и золотые пятна появлялись на мостовой короткими вспышками.

Шесть лет назад я приезжала сюда с Арденом почти каждый день. Восточный пролёт тогда жаловался на ветер тонким, неприятным звоном. Директор требовал, чтобы мы не меняли целиком крепление: старое стекло в нескольких секциях было невозможно повторить. Арден хотел усилить верхний узел. Я предложила разделить нагрузку внизу, где она собиралась на одном плохом стыке. Решение потребовало трёх переделок. На последней я сорвала кожу с пальца и спрятала руку под столом во время приёмки.

Теперь, подходя к дверям, я услышала собственные шаги и поймала себя на желании проверить, не звенит ли стекло.

Не звенело.

У входа стоял распорядитель с книгой гостей. Он назвал фамилии пары передо мной, сделал пометку и обратился ко мне с профессионально доброжелательным выражением.

— Госпожа Вейр. Рады видеть. Господин Вейр сегодня будет позже?

— Я пришла одна, — сказала я. — Моя фамилия есть в списке?

Он нашёл строку.

— Разумеется. Здесь указано одно место для вас и одно для сопровождающего.

Я попросила вписать сопровождающим Северина Роана. Распорядитель поднял глаза. Его перо задержалось над страницей, но он ничего не спросил и внёс имя.

Я прошла внутрь.

С этого места прежде начиналась хорошо освоенная работа. Найти людей, чьё настроение определяет ход заказа. Уточнить, кому тесно у витража, кто жалуется на лишний свет, кого лучше не знакомить с раздражённым Арденом до третьего бокала вина. Поздороваться с супругой попечителя, которая обещала прислать новые размеры. Я умела это не хуже работы с медью. Просто за подобные вечера не существовало строк в заказах.

Сегодня никто не ждал, что я устрою Ардену удачный приём.

От этой мысли мне стало легче, но привычной опоры я лишилась.

— Вы рано, — сказали у меня за спиной.

Северин стоял у колонны под часами, куда я велела ему прийти. На нём был тёмный сюртук с застёгнутым воротом. Одна манжета сидела безупречно, вторая пыталась покинуть своё место; он время от времени незаметно поправлял её.

— Я собиралась ждать вас у западной лестницы, — сказала я.

— Там две. Я проверил обе и решил, что проще найти вас изнутри.

— Значит, вас впустили?

— Моё имя уже было в книге. Распорядитель смотрел на меня с таким сожалением, что я поспешил пройти.

— Я вписала вас.

— Благодарю. Долго думал, что вы имели в виду под последней фразой записки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.